

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Звезды советской фантастики

Василий Головачев

Черный человек

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Головачев В. В.

Черный человек / В. В. Головачев — «Издательство АСТ»,
2018 — (Звезды советской фантастики)

ISBN 978-5-17-110120-6

Даниил Шаламов, пилот межзвездного корабля, после столкновения в гиперпространстве с инопланетным судном высадился на неизвестную планету в стороне от космических путей. На его счастье, сюда же упал и чужак. Чтобы использовать его детали для монтирования аварийного передатчика, Шаламову пришлось напрямую подключиться к инопланетному компьютеру. Он спасся, но теперь его мозг отравлен чужеродной информацией. Правда, больной не хочет избавляться от заразы, считая, что с ним все в порядке. Только человек ли он отныне?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110120-6

© Головачев В. В., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Книга I	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Часть II	31
Глава 1	31
Глава 2	40
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Головачев

Черный человек

© В. Головачев, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Книга I

Часть I Серая дыра

Глава 1

Когда Шаламов очнулся от беспамятства и с трудом поднял ставшие чугунными веки, то не сразу понял, что все еще находится в рубке интергалактического спасательного шлюпа «Кентавр» с маской-фильтром на лице. К тому же сбивала с толку невесомость. Все органы чувств вопили что было мочи о том, что он попал если не в мясорубку, то по крайней мере в камнедробилку, в то время как старт должен был быть мягким и не влияющим на самочувствие.

Шаламов попробовал шевельнуться и едва сдержал стон: тело уподобилось студню, в который вонзился миллион игл, осколков стекла и прочих острых предметов.

– Елки-палки! – сказал Шаламов вслух, не узнавая собственного голоса. – На стон это мало похоже. Эй, кто-нибудь, что случилось? Где я?

– Вы на шлюпе курьерской линии СПАС-главный – Орион-6, – прошелестел в ушах бесплотный голос.

И Шаламов наконец вспомнил, где он находится.

Багровая пелена в глазах медленно растаяла, сквозь мглу проступили очертания рубки.

Поскольку «Кентавр» был спасательным шлюпом класса «универсал-абсолют» и представлял собой, по сути, единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитал водитель, называемый по древней традиции пилотом, то рубка шлюпа должна была иметь вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного множеством датчиков; датчики подавали информацию напрямую в мозг пилоту и через дисциплинатор, блок целесмыслового контроля¹, передавали его мысленные команды исполнительным механизмам. Теперь уже в передней части кокona напротив Шаламова зияла брешь, образуя своеобразное окно, за которым располагалось странное помещение, напоминавшее пещеру. «Пещера», заросшая гребнеобразными перепонками, имела, однако, явные признаки технологической обработки. Ее торец представлял собой черный гладкий экран, по которомуплыли светящиеся линии, искаженные геометрические фигуры, замысловатые символы и знаки, а напротив в кресле, напоминающем журавлиное гнездо, сплетенное из толстых металлических прутьев, восседала завораживающая взор фигура: трехгорбая глыба в пластинчатых доспехах из полированного желтого металла. Глыба казалась живой и неживой одновременно и вызывала в памяти ассоциации – окаменевшего бегемота или, наоборот, ожившую скульптуру модернистов. Но хотя Шаламов и соображал пока туго, он сразу узнал маатанина.

Цивилизация маатан была открыта около десяти лет назад, причем курьезным образом, не с помощью звездных экспедиций. По земле вдруг прокатилась волна жалоб операторов и владельцев компьютерных баз: информация, запасенная компьютерами, начала вдруг исчезать, теряться, будто ее кто-то нарочно стирал. Специалисты сначала грешили на компьютерный вирус, запущенный в общую сеть неким злодеем-любителем, но подключенная к расследова-

¹ Этот блок «отсеивает» неадекватные моменту мысли пилота при управлении, если тот почему-то отвлекается; поэтому пилотами спасательной службы могут работать только люди с четкой дисциплиной мысли.

нию служба безопасности вышла совершенно неожиданно на странных существ, беззастенчиво грабивших память компьютеров. Последовавший вслед за этим открытием контакт привел если не к войне, то к полному отказу маатан объяснить свои действия и сотрудничать с землянами.

Десять лет люди пытались узнать причину такого отношения к себе со стороны негуманного разума, и все десять лет маатане упорно продолжали не замечать усилий землян, отвечая молчанием на все вопросы и предложения, демонстративно не замечая братьев по разуму. За свой необычный облик, подчеркнутое нежелание вести диалог и явное пренебрежение к деятельности людей маатан прозвали «черными людьми». Разведчики, спасатели и археонавты не раз встречали в космосе их корабли, игнорирующие любые знаки, будь то запрет посадки, предупреждение об опасности; и еще не было случая, чтобы «черные люди» ответили на чьи-либо сигналы.

«Джо, – позвал мысленно Шаламов, обрадовавшись тому, что пси-связь с координатором не пострадала. – Жив, старина? Что случилось? Почему я в маске? Высвети экспресс-информацию».

– Маска надета аварийно, – сухо ответил координатор, – потому что в рубку проник инертный газ. Но я вам не Джо, а функциональный киб-интеллект типа «проводник» класса «инк-пять»² и прошу обращаться в соответствии с инструкцией.

– Слушаюсь, проводник! – пробормотал изумленный Шаламов.

Искусственные интеллекты устанавливались, а вернее, выращивались на каждом базовом спасательном шлюпе и даже на модулях аварийно-спасательной службы и обычно откликались на то имя, которое отражало название шлюпа или было вложено в них при рождении. Шаламов еще с первого рейса назвал координатора своего шлюпа Джорджем, по имени героя старинного романа Апдайка «Кентавр», и тот принял имя как должное. И если уж он вдруг «обиделся», значит, шлюп был поврежден серьезно, вплоть до нарушения работы главного компьютера.

– Экспресс-информацию выдать не могу, – продолжал пси-доклад координатор. – Почти все рецепторы и нейронные узлы парализованы, датчики пространства разрушены. Через пять-шесть минут смогу восстановить визуальный обзор, но мешает присутствие чужих логических цепей, сбивающих оптимальное функционирование систем.

– А нормальную гравитацию сделать можешь? Я не люблю работать в невесомости.

– Только после восстановления ремонтного узла, через час, да и то с вероятностью ноль шесть.

– Как мы оказались в одном месте? – Шаламов снова посмотрел на сверкающую металлическими зеркалами доспехов неподвижную фигуру «черного человека».

– Информации нет.

– Тогда включи меня в свой главный нервный контур напрямую и дай память от момента старта.

– Опасно, контур блокирован хаотическим поступлением чужих сигналов и «белого шума». Источник сигналов находится внутри моего информполя, вероятно, внедрен в меня ударно, однако мне неподконтролен.

– Позволю напомнить пункт инструкции: «В нештатной ситуации водитель имеет право...»

– Подчиняюсь.

И в мозг Шаламова хлынули лавины сигналов, донесений датчиков, обрывков команд, мыслей и чувств координатора, бессмысленное бормотание поврежденных аппаратов, шепоты аварийных систем, пучки импульсов и глухой угрожающий шум...

² Инк – интеллектуальный компьютер.

Повторно очнулся пилот спустя час, хотя и не помнил этого – координатор сам равнодушно сообщил ему о времени и причинах беспамятства.

Невесомости уже не было, сила тяжести равнялась примерно трем четвертям земной, координатор сдержал слово и починил генератор тяготения.

– Ввел максимальную аптечку, – добавил он, – вы были на грани коллапса.

– Спасибо, – пробормотал Шаламов, наслаждаясь почти нормальной силой тяжести и разливающимся по телу теплом: стимуляторы аптечки сработали и вытеснили из головы расплавленный свинец боли. Теперь он кое-что знал, по сути, главное.

Давно известна формула: проблема межзвездных путешествий – проблема побуждений, движущих разумом, а вовсе не физическая проблема; если межзвездные путешествия нужны – разум ее решает. Как, например, это сделал человек. Но, кроме человека, в космосе обитают и другие разумные существа, решившие ту же задачу сходным путем, и в один прекрасный день (вечер, утро) два межзвездных корабля, подобных в движении лучу света, точнее – потоку информации, а еще точнее – растянутым от точки старта до точки финиша «суперструнам информации», вдруг оказываются в одной и той же точке пространства в один и тот же момент. Именно этот редчайший случай и выпал на долю Шаламова.

Осознав свое «счастье», пилот понял, насколько ему повезло: шлюп, вонзившись в чужой космолет, не взорвался! Столкновение напоминало скорее процесс взаимопроникновения двух пересекшихся струй пыли или пара, и в настоящий момент «Кентавр» и маатанский корабль действительно напоминали мифического тезку земного шлюпа: сам он стал «головой и торсом», а «туловищем» был корпус чужого корабля.

– Включаю обзор, – предупредил координатор.

Экранов визуального обзора шлюп не имел, вместо этого сигналы видеокамер выдавались непосредственно в мозг пилоту, прямо к синапсам, минуя глаза, но суть видеосистемы от этого не изменилась.

Первым ощущением Шаламова было впечатление глубины: казалось, он заглянул в гигантский, непостижимо глубокий колодец, причем колодец, вывернутый наизнанку, – со светлыми стенками, – потом упал в него и стал погружаться, глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии света: мерцание таинственного «колодца» завораживало взор, как танцующее пламя костра...

– С ума сойти! – сказал Шаламов, очнувшись.

– Не понял, – откликнулся координатор, – повторите.

– Что это?

– Для правильной оценки мало достоверной информации.

– Оцени с любой вероятностью, я и так понял, что это не Орион-6, не далекая галактика и не диффузная туманность.

– С вероятностью ноль семьдесят семь мы приближаемся к «серой дыре». Термин знаком?

– Знаком, – буркнул Шаламов, вспоминая все, что знал о «серых дырах».

Эти загадочные объекты были предсказаны учеными-космологами еще два века назад и по теории представляли собой входы в свернутые «струны», скомпактифицированные, то есть схлопнувшиеся «лишние измерения» (известно, что наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, но в процессе эволюции девять из двенадцати измерений сжались в «струны», скомпактифицировались). Косморазведчики и пограничники уже встречали рассеянные по Галактике «серые дыры», но «заросшие», покрывшиеся, как вода льдом в проруби, слоем преобразованного пространства, сквозь который могли просочиться разве что отдельные атомы; этот слой называли еще «мембраной закона компактификации». Но еще никто никогда не встречал «незаросших» «серых дыр», Шаламов, видимо, был первым «счастливчиком» из землян.

– М-да, повезло... Из «струны» нас выбросило явно не по вектору Ориона. Как далеки мы от «серой дыры»?

– Мы уже в ее горловине, иначе не видели бы «колодца». «Серую дыру» можно увидеть, только попав за ее «горизонт». Кстати, если не принять мер, нас затянет за «критический горизонт», и выбраться назад мы уже не сможем.

– Сколько времени в нашем распоряжении?

– Не знаю.

– Тогда к чему эти советы? Затянет так затянет, мы и так не можем выбраться отсюда, вломившись в маатанина. Я хочу посмотреть на себя со стороны, дай внешний обзор.

Координатор выстрелил одним из уцелевших зондов, его камеры передали изображение Шаламову, и тот присвистнул от удивления, хотя уже знал, что шлюп и маатанский корабль проникли друг в друга и «срослись». Но теперь их вид стал доступен прямому визуальному наблюдению.

Чужак был огромен, раз в сто двадцать больше двадцатиметрового «Кентавра», и на два порядка сложнее. Больше всего он напоминал раздавленный панцирь черепахи, сложенный из выпуклых «костяных» пластин размером с зимний стадион. Весь «панцирь» был усеян тускло светящимися рубиновыми линзами, словно десятками паучьих глаз, и множеством других деталей разной формы и размеров.

«Кентавр» мог трансформировать свое тело в широком диапазоне форм – в зависимости от решаемых им задач, но, «оборвав струну движения» нештатно, не успев оптимизировать форму соответственно новым условиям, он представлял сейчас деформированную «ракетку для настольного тенниса» и «лопастью ракетки» проткнул «панцирь черепахи» там, где должна была находиться ее голова.

– Весело!.. – пробормотал Шаламов. Сказать больше ему было нечего. Он еще раз более внимательно оглядел район дрейфа сцепившихся кораблей, осторожно подключая к сознанию выводы немногих исправных датчиков пространства, но определить свои координаты не смог: звезд сквозь мерцание горловины «серой дыры» не было видно. Пространство внутри горловины в пределах прямого визуального наблюдения было стерильно чистым и пустым, если не считать радиационного фона, обнаруженного датчиками.

«Странно, звезд близко нет, а „дыра“ светится, – подумал Шаламов. – Эффект, которого я не знаю? Или „серые дыры“ накачаны энергией изначально?»

– Логично, – отозвался координатор.

– Да, но тогда возникает вопрос: какого черта нас занесло именно сюда, в горловину? Может быть, маатанский транспортник направлялся в «серую дыру», зная дорогу, а нас вывернуло по вектору его «струны»?

– Логично, – повторил координатор.

– Я и сам знаю, что логично, – разозлился Шаламов, морщась от приступа головной боли. – Сам-то можешь что-нибудь предложить?

– Нет, – холодно отрезал Джордж.

– Тогда пиши завещание. Сам говорил: затянет за горизонт – не вылезем... или вылезем в другой вселенной. Подходит перспектива? Ищи ориентиры, какие-нибудь объекты, тела, может, мы не одни здесь болтаемся, не зря же маатанин шел сюда на всех парах. Чини шлюп, в общем, делай что-нибудь. Впрочем... – Шаламов внезапно покрылся потом от приступа слабости, – сначала займись мной. Дай укол гипертальгина и через час рольфанг-массаж... если не научился его делать.

Координатор промолчал.

Глава 2

Выдержав рольфанг – серию глубоких и болезненных массажей всех основных групп мышц – и приняв душ, Шаламов впервые после аварии почувствовал себя человеком.

За то время, что он отдыхал и лечился, координатор неожиданно обнаружил концентрацию массы примерно по вектору дрейфа кораблей, и Шаламов присвистнул от удивления, когда узнал, что это за концентрация массы: по всем признакам это была планета! Как она оказалась в горловине «серой дыры», приходилось только гадать. Приказав Джорджу поточнее направить к ней вросший в гиганта чужака «Кентавр» – кормовой двигатель, к счастью, не пострадал, – Шаламов принялся исследовать маатанский корабль. В его распоряжении было достаточно времени до встречи с планетой, скорость «упряжки» космолетов по космическим меркам была невелика.

Девяносто процентов имеющейся на борту шлюпа аппаратуры не работало, но и оставшихся датчиков хватило пилоту на определение основных параметров маатанского транспорта: массы, размеров, энергозаряда, гравидинамики систем. Было интересно разбираться в конструкции чужого корабля, созданного негуманоидами, но полностью понять принципы его компоновки и функциональные особенности Шаламов не смог даже с помощью Джорджа. Один из маатан, сидевший (или стоявший – поди разберись) в «гнезде» прямо перед рубкой-креслом пилота, был, очевидно, еще жив. Но если бы у пилота спросили, почему он так решил, он мог бы ответить только одним словом: интуиция.

Пока он приводил в порядок рубку, искал способы устранения неисправностей, лечился сам, блистающий металлом «черный человек» ни разу не пошевелился и обстановка в зале управления не изменилась, если не считать того, что экран перестал работать, извергать потоки светящихся кривых и лишь изредка на нем вспыхивали неяркие блуждающие звезды.

Наконец Шаламов проанализировал свое положение достаточно трезво и сделал неутешительный вывод: ремонт своими силами невозможен. Оживить компакт-генераторы, то есть генераторы свертки пространства в «струну», как называли их инженеры, или – по терминологии пилотов спасательных шлюпов – дыробои, без спецверфи нечего было и думать. К тому же растащить корабли, проникшие друг в друга до накладки кристаллических решеток материальных структур, было бы не под силу и специалистам на Земле. Поразмышляв о коварстве случая, Шаламов приказал себе не паниковать и решил, пока связка «хлама» будет ползти к обнаруженной планете, обследовать чужой корабль.

Для начала он осмотрел маатанина в «гнезде», используя переносной диагностер из походной аптечки, но микрокомпьютер прибора лишь отметил пульсацию целого набора биополей и не смог прямо ответить на вопрос, жив ли «черный человек». Не помог и Джордж, обладавший о маатанах лишь сведениями общего характера.

Шаламов и не ожидал позитивного результата от своих полудилетантских изысканий, имея кое-какие познания и навыки лечения нормальных людей, а не «черных негуманоидов». Облачившись в гибкий и легкий гермокостюм для короткого выхода в космос – во избежание неприятных сюрпризов, – пилот вошел в «пещеру» центра управления чужого корабля, внимательно осмотрел изломанные волей разработчиков стены «пещеры», поросшие гребенчатыми перепонками, и понял, что выхода из центра самостоятельно не найдет. Однако автоматика этого странного зала все еще работала и сама предложила гостю свои услуги.

В самом темном углу помещения, как раз напротив черного экрана, пилот обнаружил нечто, напоминавшее прозрачный мыльный пузырь в два человеческих роста. Стена за пузырем была вогнута, сходясь кольцами в коническую воронку, вершина которой «дышала» – то проваливалась в стену, то надвигалась на наблюдателя. Все это сооружение находилось под напряжением. Заинтригованный Шаламов подошел ближе, наклонился к прозрачной поверх-

ности пузыря, и в тот же миг внутри вспыхнула фиолетовая звезда, пузырь бесшумно лопнул и облепил человека тугим коконом так, что он не мог пошевелиться. Мышцы неприятно свело от электрического удара, несмотря на защиту гермокостюма. В следующее мгновение все вокруг пришло в движение: воронка в стене надвинулась вплотную, провалилась наружу и превратилась в длинный прозрачно-светящийся туннель, стены которого побежали мимо с нарастающей скоростью.

«Если это катапульта для выхода в космос – мне здорово не повезло, – отрешенно подумал Шаламов. – Выбросит в пространство – поди догони своего „коня“, впряженного в чужую колымагу...» И вдруг он понял, что его беспечность и заторможенность могут стоить ему жизни. Страх парализующей струей газа ударил в голову, перехватил дыхание: все-таки пилот еще не выздоровел полностью и не был готов к подобной ситуации. Он рванулся изо всех сил назад, стараясь высвободиться от сдавливающих тело пут. Тотчас же туннель изогнулся как живой и выбросил его в тупик, слабо освещенный бледно-голубыми прожилками в плите потолка.

– Спасибо! – с чувством поблагодарил Шаламов вслух неизвестно кого, облизывая пересохшие губы и успокаивая сердце. Потребовалось целых пять минут на то, чтобы сообразить: тревоги напрасны, включившийся механизм вовсе не катапульта, а своеобразный внутрикорабельный транспорт.

– Но все-таки сначала надо было спросить – хочу ли я прокатиться. – Шаламов укоризненно покачал головой: самобичевание было не в его характере, а чувство юмора не раз помогало справляться с растерянностью и быстро обретать форму. – Набрасываешься как дикий зверь... мустанг необъезженный! Как я теперь вернусь обратно?

«Мустанг» не ответил, мигая фиолетовым глазом готовности к новому старту.

Пилот ощущал сухие теплые стены тупика и выглянул из ниши. И увидел короткий, но широкий коридор с плохо обработанными на первый взгляд бугристыми стенами, освещенный ручьем жидкого с виду голубого пламени, который, вопреки здравому смыслу, струился по потолку. Ближайший торец коридора был черным и дымился, впечатление было такое, будто в нем догорают костер. Дальний конец коридора зарос шипастым «кустарником» без листьев, а на концах каждого шипа светилась багровая капелька. Даже отсюда ощущалось, что «кустарник» заряжен электричеством.

Непроизвольно задерживая дыхание при каждом шаге, спасатель обошел коридор, внутри которого парила примерно земная гравитация, издали с опаской осмотрел «заросли крыжовника» и подумал, что техника маатан ни в коем случае не должна причинять вреда как хозяевам, так и гостям. Но с другой стороны, что безвредно хозяину-негуманоиду, вполне может нанести вред гостю-человеку. Усмехнувшись своему внутреннему призыву к осторожности, Шаламов медленно приблизился к «дымящейся» стене коридора и стал свидетелем включения маатанской автоматики.

Как только он приблизился к «струйкам дыма» на расстояние метра, облачко дыма застыло, покрылось морозным узором, словно «дым» закристаллизовался от холода, и на его месте протаял глубокий колодец с черными стенками и светлым дном, похожим на блюдо со светящейся икрой. Шаламов не сразу сообразил, что видит торец «серой дыры», открытый в сторону какого-то далекого звездного скопления. Сработавший автомат включил не то телескоп, не то экран видеосистемы. Понаблюдав за мерцанием «икринок», каждая из которых на деле представляла собой звезду, пилот поймал себя на мысли, что не знает, как добираться до своего «Кентавра», изуродованного, с травмированным координатором, но простого и надежного, готового защитить своего хозяина от любой предвиденной создателями опасности. Тогда Шаламов заставил себя с большей тщательностью проанализировать имевшуюся информацию о маатанском корабле и пришел к выводу, что «мустанг» ему не страшен: в конце концов это

всего-навсего лифт с плавающими координатами выхода и должен когда-нибудь вынести его в рубку с не пришедшим в себя водителем.

Так и случилось.

Не обращая внимания на приступы слабости и головной боли, а также на электрические уколы, сопровождавшие посадку на «мустанга», Шаламов принялся его объезжать. Сначала «мустанг» выбросил его на узкий балкон, нависающий над провалом неизвестных размеров. Пространство под балконом было заполнено текучим багрово-фиолетовым полумраком, в котором плыли дымы, шлейфы искр, что-то урчало, хрустело, чавкало, вспыхивало, странные тени двигались в дыму, корчились и шипели. Шаламов нагнулся к перилам балкона, и дремавшая доселе техника этого места снова отреагировала на его движение: из провала с низким гулом выплыл «мыльный пузырь», подплыл к балкону, зажигая внутри своей прозрачной оболочки знакомую фиолетовую звезду.

Пилот отступил, усмехнувшись собственной готовности попробовать действие и этого «зверя» – скорее всего разновидности лифта или защитной кабины. В последний момент, когда он сел на «мустанга», ему показалось, что провал за балконом на самом деле вовсе не провал, а зрачок какого-то исполинского живого существа, смотревшего на него пристально и тяжело.

Вторая попытка привела его на стык трех коридоров: один из них был круглым и освещался ослепительным желтым светом, казалось, он заполнен расплавленным стеклом; второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как речная вода; третий был вполне земным, квадратным в сечении, с черным потолком, по которому мчались стремительные ручьи голубого света. Заходить в него Шаламов не стал.

В третий раз он вышел в мрачный склеп с едва светящимся низким потолком и черными, с багровыми прожилками стенами. Склеп был заполнен рядами неподвижных металлических глыб, восседавших на «гнездах аиста» собратьев маатанина в рубке. Возле каждого располагался плоский экран и пучок членистых антенн, похожих на удочки, но ни одна из фигур не казалась живой, экраны были черны, и веяло от них пронзительным холодом космического пространства.

Шаламов со смешанным чувством жалости и отвращения рассматривал застывшие глыбы, понимая, что эти странные существа, то ли пассажиры, то ли члены экипажа, мертвы или на полпути к водам Стикса. Он не знал, что послужило тому причиной, может быть, резкое изменение условий в пассажирском салоне, может, отсечка энергии или подачи воздуха, но гибель «черных людей» не могла оставить его равнодушным.

Устав от стремительных рывков «мустанга» и борьбы с собой, Шаламов обреченно шагнул в его объятия и наконец вышел в знакомом треугольном зале с единственным его обитателем. Вдохнул с облегчением. И еще не отдышавшись как следует, понял: здесь что-то изменилось.

На первый взгляд все было как и прежде: мерцающий экран, мертвая неподвижность всех предметов, тишина, – и все же пилоту показалось, что он не один в зале. Впрочем, он и был не один, вторым был «черный человек». Глаз, подобных человеческим, у горбатившейся глыбы пилот не заметил, и тем не менее маатанин смотрел на него так же пристально и тяжело, как жуткий монстр в провале.

– Привет, – сказал пилот первое, что пришло в голову, интуитивно ощущая давление чужого взгляда в пси-диапазоне. – Я думал, ты уже не очнешься, дружище.

В голове вспыхнула связь пылающих знаков, быстро и плавно меняющих до тех пор очертания, пока не превратилась в неграмотно построенную фразу (это была именно картинка, видение, а не «мысленный шепот», как при обычном пси-обмене воспринимаемый человеком как шепот звуковой): «Вода... жидкие гуманоид... хомо Земле да... дело что хомо на борт проникател...»

Шаламов еще не собрался с мыслями, что ответить маатанину на заданный вопрос, как фраза превратилась в пляшущие языки пламени, из которых вылепилось новое предложение: «Мы информации... причина поломка проникател... неопытност водителей Землие хомо... смысл понятное да... нет...»

– Еще бы! – сказал Шаламов, ошалевший от столь бесцеремонного обвинения и от того, что «черный человек» знает земной язык; по всей видимости, маатане давно изучили язык и пси-спектр мыслеобщения людей, хотя и никогда не общались с ними в открытую. – Но у меня прямо противоположная информация: еще десять лет назад мы сообщили вам граничные параметры наших космических маш... э-э... проникателей. Ваша раса использовала другие частоты свертки пространства в «струны», и «столкнуться» двум нашим проникателям было невозможно. Мы не меняли частот «струн», изменили вы, не известив нас, из-за чего, собственно, и произошел этот прискорбный случай, так что извини, друг, я не виноват. Но давай все же начнем с другого конца: найдем более мирный способ контакта и попробуем выжить в этих условиях. К сожалению, мой... м-м... проникатель потерял связь, в том числе и дальнюю. А твой?

Маатанин вдруг изменил позу, причем выглядел этот процесс настолько необычно, что Шаламов застыл, изумленный, он еще не видел, как передвигаются «черные люди»: тело маатанина буквально встопорщилось мелкими кристалликами, словно человеческая кожа, пупырышками от холода, превратилось в сrostок кристаллов разной величины, и каждый кристалл ожил, трансформируясь из одной формы в другую; вероятно, эти движения были аналогичны вздутию и сокращению мускулов под кожей человека при ходьбе, только «мускулы» маатанина были твердыми, кристаллоподобными. Он превратился в металлическую глыбу, чем-то напоминающую вырубленную из грубого камня скульптуру человека с горбом-головой.

В мозгу Шаламова высветились слова:

– Про анализ полученные сведения хомо да. Ориентацеры нет функционира... нет информации положение проникател два... кто район галактика мы... нет...

– Этого и я не знаю. Наши проникатели пересеклись «на струне» и выпали в евклидовом пространстве, причем не просто в пространстве, а внутри горловины «серой дыры». Термин знаком?

– Термин знакомство да... нормальное проникател у цел...

– К сожалению, нас потихоньку затягивает в глубь «дыры», придется садиться на поверхность планеты, которую я обнаружил, хотя и не понял, откуда она взялась.

– Загде... нет да. Так... зачто... нет... зачем... вопрос.

– Вы хотите провалиться в «дыру»?

– Да так есто... необходимое... утверждение.

– Благодарю покорно! Тогда мне с вами не по пути. Если за время полета к планете никто не откликнется, я буду садиться.

Огненные ленты перестали трепетать в голове Шаламова, маатанин «замолчал». Шаламов выжидательно смотрел на него, чувствуя, что блокада собственной воли начинает сдавать, тошнота подкатывает к горлу, и темнота небытия накрывает его душной и болезненной волной. К тому же то и дело руки и ноги начинали казаться манипуляторами или гибкими рукавами-шлангами – давал о себе знать синдром механошока после прокачки через мозг памяти компьютера.

Ощущение взгляда со стороны внезапно исчезло, будто выключили пси-излучатель. Металлическая гора «черного человека» – маатанин потерял сознание. Впрочем, Шаламов и сам был на грани срыва, езда на «мустанге» отняла у него немало сил и здоровья. Пробормотав извинение, Шаламов доплелся до рваной дыры в гондоле своего шлюпа, свалился в кресло и поплыл в забытие, не чувствуя, как корабль начал осторожно лечить, массажировать, кормить и поить своего господина.

Глава 3

«Кентавр» с прицепом маатанского корабля достиг обнаруженной планеты спустя трое суток.

Человек очень быстро привык преодолевать колоссальные межзвездные расстояния, которые свет преодолевает сотни, тысячи и даже миллионы лет, и как-то упустил из виду, что, случись авария или какое-то происшествие, обрекавшее его на вечное блуждание между звезд, без своих совершенных машин для преодоления пространства он становится абсолютно беспомощным. И хотя подобные происшествия происходили редко, каждый из попавших в беду разрабатывал философию одиночества, потрясенный открывшейся перспективой. Шаламов тоже был в шоке, хотя закаленный характер и не позволял ему поддаваться панике.

За время полета к планете он дважды пытался завязать беседу с маатанином, который то и дело проваливался в «коматозное состояние», но помощи так и не попросил, а на предложения пилота отвечал равнодушным: «Хомо гуманоидо жидкие Землие да нет», – что в устах «черного человека» соответствовало, наверное, старой поговорке, перелицованной на новый лад: «гуманоид негуманоиду не товариш».

С помощью диагностера и Джорджа Шаламов как мог обследовал «черного нигилиста» и пришел к выводу, что жить тому осталось немного: запасы энергии у маатанина почему-то истощались гораздо быстрее, чем его снабжала собственная система жизнеобеспечения. Впечатление было такое, будто энергия от питателей утекает в какую-то «черную дыру» внутри маатанина, и в то же время приборы вопреки смыслу фиксировали в теле «черного человека» громадные запасы энергии. Почему он не мог ими воспользоваться, оставалось непонятным.

Надо было что-то делать, но пилот не знал – что. «Черный человек» был прав: земная медицина не могла ему помочь, не имея сведений и знаний о метаболизме негуманоида, параметрах обмена и жизненных циклах.

Шаламов еще раз попытался обследовать чужой корабль в надежде найти живого и здорового члена экипажа и снова потерпел неудачу. От электрических разрядов «мустанга» он защитился, надев пленочный скафандр, но обследовать за несколько часов гигантский проникатель-космолет, не зная принципов смены координат выхода лифта, было невозможно. «Мустанг» выбрасывал его то под купол башенки, торчащей на воротнике «панциря черепахи», то в глубокие колодцы, то в широкие гrotы с мерцающими сводами, заполненными таинственными движущимися или неподвижными предметами, однако живых маатан, равно как и мертвых, в этих помещениях не оказалось.

В башенке, стены которой были оптически прозрачными, Шаламов задержался, с невольным благоговением любясь сиянием Горловины, как он стал называть вход в «серую дыру». Подумал: поверит ли кто-нибудь его рассказу? Ведь чтобы оценить своеобразие «серой дыры», ее надо увидеть. И все же он попробует рассказать... если вернется. Обязан вернуться! Спасатель всегда должен возвращаться, иначе какой он тогда спасатель.

Шаламов прищурился, вглядываясь в лучистое мерцание воронки «серой дыры», сходящейся в точку на пределе видимости. Куда же ты ведешь, самая древняя из «струн»? В какие измерения, в какие пространства? Осью какого мира ты служишь? И почему ты «не заросла», как другие «серые дыры»? Может быть, не только я один «провалился» в Горловину? Ведь оказалась же здесь каким-то чудом целая планета! Улыбнись, Фортуна, помоги встретить своих и пусть даже не своих, но хотя бы друзей – гуманоидов...

Вернувшись на корабль, Шаламов попытался помочь Джорджу с ремонтом станции связи, но координатор, сам травмированный при аварии, не принял его предложения и опять обиделся, перестав разговаривать. В это время «Кентавр» догнал тело, которое Джордж принимал за планету, и ошеломленный Шаламов наконец разглядел, что это было на самом деле.

Перед ним висел, медленно вращаясь, слабо освещенный сиянием Горловины колоссальный куб размером с небольшую планету типа Марса! Как и нормальная планета, он имел сфероидальную атмосферу, над которой возвышались лишь «горные пики» углов куба, и моря, занимавшие большую часть каждой грани. В центре каждого моря располагались архипелаги больших и малых островов, а материков Шаламов не заметил вовсе, если не считать материками ребра планеты-куба, играющие здесь роль горных хребтов. На базе своих знаний и логических умозаключений Шаламов мог смело назвать это тело искусственным объектом, но что-то останавливало его сделать окончательный вывод, какие-то неясные предчувствия да еще соседство «черного человека», который признался, что цель его полета – именно «серая дыра». Не их ли тогда это сторожевой пост у входа в Горловину? Правда, не видно развитой инфраструктуры, которая непременно должна иметь место, будь планета населена расой конструкторов куба, и обширной сети искусственных спутников и станций, формирующих архитектуру околопланетного пространства. По всем признакам планета необитаема, хотя, по данным экспресс-анализа, имеет кислородную атмосферу.

К такому же мнению склонялся и Джордж, несмотря на открытие им на островах каких-то почерневших развалин. Шаламов тем не менее обрадовался, углядев шанс встретить обитателей развалин и попросить у них помощи. Не привыкший сокрушаться о несбывшихся надеждах, он ввел себе стимулятор, подключил через Джорджа мозг к искаленной системе датчиков, исполнительных машин и контуров защиты дисциплинатора, принявшись сажать на одну из граней куба почти неуправляемую связку шлюпа с маатанским кораблем.

Когда все закончилось, Шаламов с неожиданным сочувствием вспомнил о «черном человеке», потрогал свои соленые губы, не то от крови, не то от пота, подумал: «Губы, кажется, всмятку», и потерял сознание.

Пришел в себя через пять часов, так велики были потери сил и «засорение» мозга информационными шлаками – сигналами регистраторов, радаров, исполнительных вычислителей траектории, обработчиков команд, – чем обычно оперировал только инк. В голове шумело, перед глазами все плыло и качалось, руки не слушались, но пилоту удалось перекинуться парой слов с координатором, после чего, успокоенный, он снова впал в беспамятство, проспал еще около семи часов, не чувствуя, как медицинский комплекс, отвечающий за здоровье хозяина, пытался лечить его, поить и кормить, подавая питающие, укрепляющие и стимулирующие препараты прямо в кровь.

Проснулся почти свежим, бодрым, отдохнувшим и первым делом проверил состояние маатанина: «черный человек» был жив, судя по медленной пульсации электрических и пси-полей в его теле, однако на пси-контакт не шел.

Шаламов определил положение «Кентавра» и остался доволен своим мастерством: грохнулись они точно по расчету – «черепаха» чужого корабля послужила посадочной «подушкой», а шлюп сыграл роль наездника. Теперь предстояло заняться внешним осмотром и попытаться найти аборигенов, способных хоть как-то помочь в беде. Пилот еще раз проверил данные экспресс-анализа и с неохотой констатировал, что придется-таки надевать если не скафандр, то, во всяком случае, маску-фильтр: воздух планеты-куба, несмотря на присутствие кислорода и азота, имел иной изотопный состав, дышать им было нельзя.

Экипировавшись для пробной вылазки, Шаламов разблокировал люк и с трудом, сдерживая проклятия от ломоты в суставах, вылез на смотровой балкон в корме «Кентавра».

Сначала его оглушила, сбив дыхание, странная смесь сладковатых и кисло-острых запахов: кипрей, клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон; маска-фильтр пропускала практически все безвредные газовые смеси, задерживая только ядовитые, опасные для здоровья и совсем незнакомые. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла как в вакууме – таково было первое впечатление.

Обычного для дневной поры на любой «нормальной» планете солнца в небе не оказалось, но света хватало: казалось, он льется отовсюду, не отбрасывая теней, окрашивая небо в нежно – розовый, с перламутровыми переливами, цвет. Левая часть небосклона скрывалась за грядой высоких, кипенно-белых, с яркими рубиновыми прожилками облаков.

Холмистая равнина простиралась вперед и до самого горизонта, справа переходила в каменистое плато, заканчиваясь группой невысоких желтых скал; а слева, совсем недалеко от упавших космолетов, начинались необычно черные, словно недавно выжженные огнем развалины большого города, состоящего, на сколько хватал глаз, из одних толстых, пересекающихся под разными углами стен. Ни одной крыши Шаламов не заметил, как, впрочем, и других деталей, соответствующих понятию архитектуры городской застройки: стены, стены, стены до горизонта, черные наверху и светлеющие до пепельного оттенка к основанию.

– М-да, – промышчал Шаламов, переживая острый приступ желания проснуться. – Не хватало мне стать причиной какого-нибудь межпланетного конфликта...

Он вернулся в кольцевой коридор и сформировал смотровой балкон с противоположной стороны.

«Черепаха» маатанского корабля пропахала при посадке широкую и глубокую борозду в почве планеты, и над этой серо-зеленой бороздой вспыхивали снопы долго не гаснущих искр, которые Шаламов принял поначалу за бабочек или мелких светящихся птиц.

«Интересно, – подумал пилот, – если причина пожара в городе не мое приземление – а это видно, слава богу, невооруженным глазом, мы до города не доползли, – то когда и по какой причине он сгорел?»

С высоты в триста с лишним метров было видно, что воды моря, окружающие остров со всех сторон, похожи по цвету на расплавленный янтарь или мед. И нигде ничего – ни на глади моря, ни в воздухе, небо пустынно и чисто. Тишина...

Что ж, пока не на что жаловаться, если следовать принципу оптимизма. При столкновении «Кентавр» не взорвался – первая удача. Не попадись в Горловине планета-куб, его могло затянуть в «серую дыру» – удача номер два. Промახни Шаламов мимо острова – утонул бы в море-океане, попробуй потом вылезти оттуда! Осталось разобраться с аборигенами: раз есть город, значит, должны быть и его хозяева. А коли так, то появляется шанс выбраться отсюда и помочь маатанину. В таком случае нарекаем планету, этот шедевр кубизма, именем Шанс, и да поможет нам Фортуна! Аминь!

Разложив таким образом «по полочкам» имевшуюся информацию, Шаламов мог теперь как следует рассмотреть маатанский корабль-проникатель при почти дневном освещении и еще раз убедиться в том, что технические сооружения негуманоидного разума, переживающего технологическую стадию эволюции, необычны, удивительны и кажутся далекими от совершенства, хотя на самом деле просто функционально приспособлены решать задачи своих повелителей, смысл и цели которых зачастую так и остаются непонятными людям.

Корабль маатан только издали напоминал черепаху, а с расстояния в пятнадцать метров он походил на обросшего полипами, ракушками, водорослями и прочей светящейся и мигающей живностью исполинского кита. Непривычного человека это зрелище привело бы в содрогание, но Шаламов в бытность свою разведчиком-первопроходцем повидал немало на своем веку, в том числе поистине жуткого и чудовищного, поэтому он только отметил знакомые геометрические формы и мимолетно подумал, что маатанину свой корабль починить будет гораздо сложнее. Если только он выживет в этой передрыге...

Подкрепившись питательным и к тому же вкусным бульоном, Шаламов предпринял новую попытку разбудить «черного человека», но тот по-прежнему не отзывался, застыв бугристой, черной сверху и бронированной снизу, похожей на старого сивуча тушей. Тогда пилот переделался в кокос – компенсационный костюм спасателя, имеющий ко всем своим достоин-

ствам еще и прямую связь с координатором, нацепил антиграв, респиратор и вышел в вечный день чужого мира, которому дал название Шанс.

До развалин города решил пройти пешком. Идиллическая тишина настраивала на философские размышления, а прекрасная ласковая погода, чем-то напоминающая земное бабье лето умеренных широт, настраивала на умиротворение и спокойствие. Джордж включил исследовательский комплекс и объяснил здешнее «лето» равномерным потоком тепла, идущим из глубин моря, а значит, из ядра планеты-куба, и поддерживающим на планете всюду одинаковые погодные условия. Сгоревшие закопченные развалины, к которым подходил Шаламов, никак не вписывались в концепцию безмятежного, размеренного бытия планеты. Что же здесь, в конце концов, случилось, черт побери?!

Шагая по негустой желтой траве, Шаламов спустился с холма, в который упирался уродливым носом маатанский корабль. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на сапогах. Воздух был насыщен электричеством, словно облако, готовое пролиться дождем-влагой, и кожу на щеках и на лбу слегка пощипывало при ходьбе.

Шаламов принялся: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал столь остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный запах, напоминающий аромат масличной пальмы.

Координатор, подключенный контуром пси-связи напрямую к мозгу, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об «электрических карманах» – неизвестной глубины круглых ямах, заряженных статическим электричеством, которые встречались довольно часто и были, похоже, разбросаны по всему острову. Шаламов выслушал сообщение, пожал плечами и обошел яму на почтительном расстоянии.

Черно-серые стены города приблизились и накрыли спасателя ощутимо теплой тенью. Датчики, встроенные в костюм, сообщили температуру стен: около сорока двух градусов по Цельсию. Шаламов с недоумением взгляделся в представшие перед ним развалины. Больше всего они напоминали срубки неровных стен разной толщины – от двух дециметров до двух метров, разной длины и высоты: ничего похожего на геометрический порядок, расчет, логику и гармонию, соответствующие понятию пилота об архитектурных сооружениях. Но главное, что развалины, низкие и редкие на окраине, вскоре переходили в поистине непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонки, буквально сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», «хижины» и «дворцы» без кровли, с окнами-дырами и дверями-проводами... Температура воздуха в городе была градусов на двадцать пять выше, чем вне его, повысилась и концентрация горьких примесей в нем.

Шаламов забрел в тупик, остановился и потрогал стену ближайшего здания: поверхность ее была бархатистой, горячей на ощупь, как шкура живого существа, с тонким муаровым рисунком, видимым только вблизи и напоминающим загадочные письмена, и поверхность эта... вздрагивала! Шаламов приблизил ухо к стене и уловил внутри ее медленную пульсацию какой-то жидкости.

«Господи, да ведь они живые! – сообразил он. – Клянусь Купавой, живые! Я слышу пульс, слышу гул пробивающейся по сосудам крови!..»

С минуту он прислушивался к четким, размеренным ударам сердца исполина и не сразу расслышал мысленный «шепот» координатора:

– Догадка верна с вероятностью ноль восемь. Отмечаю повышение пси-фона в районе города, рекомендую вернуться.

Тут только пилот понял, почему у него, по мере того как он углублялся в город, появилось ощущение чьего-то скрытого присутствия, взгляда в спину: он и в самом деле находился внутри большого скопления биомассы, обладавшей разветвленной нервной системой, которая и создавала пси-фон, биоизлучение «мысленного эха». Спасатель скомандовал антиграву подъем и

взлетел над «живым городом», внимательно вглядываясь в сплетение «улиц», «переулков», узких извилистых проходов, дворики, «площадей» и открытых «зданий». Теперь было ясно, что ни о какой системе в скоплении сросшихся стен речь не идет, перед человеком предстал самый настоящий лес! Выросший по своим законам, странный, жутковатый, похожий на развалины сгоревшего города, состоящий из «живых» деревьев-стен, но лес!

Шаламов записал картину стенолеса на видео и поднялся выше. Остров оказался плоским – в пределах холмистого рельефа, большим, а главное – идеально круглым, будто был вычерчен гигантским циркулем, и не имел береговой линии с пляжами и рифами. Он выступал из морских вод метров на сорок гладким цилиндром и будил в памяти ассоциации искусственных морских платформ Земли. Впрочем, Шаламов не слишком удивился сходству, вспомнив, что форма планеты – куб, искусственное происхождение которого не вызывало сомнений.

Остров почти полностью зарос «развалинами», «Кентавр» на «черепаше» маатанского корабля сел на его краю, а в самом центре острова пилот разглядел какое-то грандиозное сооружение: храм не храм, но нечто в этом роде, удивительно красивое, поражающее законченностью форм и эстетическим совершенством. У Шаламова дух захватило от поднявшегося волнения, хотя минуту спустя он отметил и некоторые отклонения в симметрии «скульптур» сооружения, нарушения в его структуре и очертаниях. «Оно не достроено, – догадался он без подсказки координатора. – Значит, где-то поблизости должны бродить и сами строители? В таком случае надо срочно готовиться к нештатному контакту, чтобы предстать перед светлые очи хозяев в нужной кондиции, не то пойдет гулять по здешнему миру легенда о небритом пришельце».

Порадовавшись своей вернувшейся способности не унывать в любой ситуации, Шаламов утихомирил боль в грудной клетке и помчался домой, где ждал его холодно-вежливый, но все же заботливый Джордж.

Глава 4

Маатанина он застал в тот момент, когда «черный человек» самостоятельно пытался заняться ремонтом рубки. Тот, кто метко назвал маатан «черными людьми», смотрел в корень: во-первых, маатанин, по сути, до сих пор оставался загадкой, «черным ящиком», никто из земных ученых не обследовал его и не знал параметров жизнедеятельности; а во-вторых, когда передвигался, то чем-то напоминал человека, вернее, карикатуру на него, грубый слепок.

Он сполз со своего гнездоподобного кресла и медленно двинулся вдоль стены рубки, превратив нижнюю часть тела в «ногу улитки». Шаламов никогда не видел, как передвигаются маатане, поэтому с любопытством и жалостью смотрел на слабые попытки коллеги разобраться в обстановке.

Черная сгорбленная фигура с намеками на плечи, голову и руки, одетая по пояс в сверкающие многогранные зеркала и колышущаяся при каждом шаге, как металлоподобный студень, тяжеловесно поползла до стены и замерла. «Кожа» верхней части туловища встопорщилась мелкими кристалликами и стала похожа на крупнозернистую наждачную бумагу. Одно «плечо» маатанина претерпело несколько быстрых трансформаций, меняя форму в строго детерминированном диапазоне геометрических фигур, и вдруг прошло сквозь стену. В то же мгновение «гнездо» в центре рубки превратилось в «жидкую» стеклянную чашу и скользнуло к маатанину, который без сил рухнул в нее грудой кристаллов разных размеров и форм.

– Осторожнее! – Шаламов подскочил к упавшему «черному человеку». – Не хватало мне еще собирать тебя по частям. Помощь нужна?

– Ничего... – высветилось перед глазами. – Нет помоч... нельзя да хомо команда зона операции... без мой да вход нет... нет понятное... вопрос.

Маатанин снова сформировал свое непослушное тело и полез в стену зала, но теперь ему было легче передвигаться по рубке – бывшее «гнездо» стало подчиняться его командам и превратилось в тележку-антиграв, перемещая хозяина со скоростью корабельного «мустанга». Однако энергии у «черного» хватило ненадолго. Он успел только включить экран, по которому тотчас же поплыли вереницы странных знаков, и потерял сознание – превратился в безжизненную глыбу не то камня, не то какой-то иной субстанции.

Шаламов вздохнул. Помочь маатанину он не мог, а сочувствием сыт не будешь. Он даже накормить коллегу не мог, не ведая, чем питаются негуманоиды и каким способом. «Может быть, попробовать подсоединиться к компьютеру его корабля? – мелькнула мысль. – Должен же у них быть компьютер или что там его заменяет – вычислитель-водитель, автомат».

– Подобное подсоединение стопроцентно гарантирует психическое расстройство, – буркнул Джордж. – А то и аннигиляцию личности. Тебе мало того, что получил? Да и откуда я знаю, на каких принципах работает их компьютер и каким образом к нему можно присоединиться?

– Нашел бы, если бы захотел... – Шаламов автоматически проверил экипировку. – Ладно, это беспредметный спор. Надеюсь, хозяева Шанса... знаешь, давай лучше назовем этот куб Стражем, вернее, Стражем Горловины, а? Так вот, хозяева Стража Горловины должны помочь нам починиться или хотя бы доставить «черных людей» на родину. Ну и нас, конечно.

Выйдя наружу, пилот бегло оглядел тело «Кентавра», глубоко вонзившееся в маатанский корабль, как топор в пень по самое топорщице, вздохнул и направил полет к «храму», с хладнокровным автоматизмом выполняя привычную работу разведчика: видеосъемки, замер параметров среды и наблюдение за всеми объектами, способными представлять опасность. Правда, в данном случае самыми опасными объектами были маатанский корабль и приближающийся «храм».

Чем ближе подлетал к нему Шаламов, тем необычнее становился облик колоссального строения. Оно на глазах теряло красоту контуров, четкую структуру, эстетику плавных гармоничных переходов, грубело и корежилось, пока не превратилось в топорную неизящную постройку-барак из плохо пригнанных многотонных глыб, пористых стен, гнутых перепонки, балок и витых поверхностей с невообразимо сложной системой связок и растяжек. Растерянный пилот затормозил, не веря глазам. То, что выростало перед ним, больше напоминало взорванный, но не разлетевшийся, а склеенный неведомой силой в момент разлета грузинский мгвировани – пещерный город. Пилот несколько минут разглядывал хаос «каменных» глыб и блоков, потом подал назад. По мере того как он удалялся от строения, жуткие вблизи разрывы, дыры, выпуклости и горбы складывались в красивый затейливый узор, корявые балки, столбы и шпили превращались в изящные башенки, мелкие детали исчезли, растворились на общем фоне, и вскоре перед потрясенным пилотом опять предстал великолепный «дворец», сотворенный явно не человеческими руками, но с подобными человеческим размахом и фантазией.

– Елки-палки! – удивился Шаламов негромко. Полюбовался на «дворец», снова приблизился к нему вплотную и вернулся в исходную точку: метаморфозы чужого строения не исчезли. Оно то становилось «храмом», достойным богов, то превращалось в жуткий ансамбль слепленных кое-как развалин. Причем пилот теперь убедился в том, что это чудовищное сооружение не недостроено, как ему показалось вначале, а наоборот, начинает разваливаться от старости: вблизи хорошо были видны иззубренные бреши в его стенах и обрушившиеся вниз блоки, погнувшиеся, корявые, неровные балки, похожие больше на гигантские кости и сухожилия с утолщениями и наплывами.

– Что ты на это скажешь? – обратился пилот к Джорджу.

– Не имею полной информации... – завел было обычную песню координатор, но Шаламов его перебил:

– Дай прогноз и перестань дуться, мы оба в одинаковом положении. Или хочешь остаться здесь?

Координатор поперхнулся и не отвечал несколько секунд, потом выдал сигнал метронома, что в переводе на человеческие эмоции соответствовало растерянному покашливанию, и сказал:

– Замечание учту. Даю прогноз: судя по этому сооружению, отсутствию развитой инфраструктуры и спутниковой архитектуры, планета имеет нуль психозоя, несмотря на все признаки искусственности.

– Иначе говоря, хозяев здесь нет, – уточнил Шаламов. – А может быть, перед нами памятник старины? И хозяева живут на других островах, а этот – заповедная зона?

Джордж промолчал. То ли учел замечание пилота, то ли сумел заменить несколько поврежденных нервных узлов и понемногу приходил в себя, обретал былую интеллектуальную форму.

«Приду – проверю, – подумал Шаламов, блокируя канал пси-связи с координатором. – Похоже, придется поработать с оптимизатором, сам Джордж вряд ли вылечит себя полностью».

Пилот осторожно опустился на горизонтальный участок одной из угловых башен сооружения, похожей на полный складчатый волдырь, усеянный рваными дырами, словно по нему стреляли из гранатомета. Материал крыши, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, на камень или металл не походил.

– Кремнийорганика с примесями солей бора, – сообщил Джордж. – Хотя я могу и ошибаться.

– Пора взяться за исследования всерьез, если мы не хотим неприятных сюрпризов здешней природы. Наш исследовательский комплекс сдох, попробуй расконсервировать «пчел» из основного груза, если, конечно, он не поврежден.

– Извини, шкипер, «пчел» я уже запустил, сохранилось всего три контейнера, около сотни штук. Пока есть ресурс, они будут работать.

Как и любой спасательный шлюп, «Кентавр» имел кибсистему анализа полевой обстановки, «пчелы» были рабочими органами этой системы, сборщиками информации, но так как в результате столкновения оборудование шлюпа пришло в негодность, Джордж догадался использовать «пчел» из перевозимого «Кентавром» оборудования.

– Маяк все еще не работает?

– Ему досталось больше всего, ремонту практически не подлежит. Я пытался запустить дубль, но и он, вероятно, влип в материал чужого корабля, причем всем рабочим объемом.

– Вот повезло, а? Нечем даже хозяев позвать, разве что покричать: караул.

Шаламов включил антиграв и, преодолевая налетевший откуда-то ветер, сквозь одну из дыр в оболочке опухлевидной башни влетел внутрь. В то же мгновение его подняло вверх и вжало спиной в купол потолка. Внутри башни царил невесомость!

«Вот откуда здесь сквозняк, – сообразил Шаламов, – а развалины-то функционируют! Не получилось бы, как с прогулкой по маатанскому проникателю...» Он уравновесил себя в центре башни и осмотрелся. Здесь было довольно светло, стены башни казались обмазанными толстым слоем слабо светящейся икры. Пол помещения сходил из двумя неровными оплывшими конусами к двум отверстиям. Одно из них напоминало прорубь во льду, затянутую свежим морозным узором, второе давилось мраком, осязаемо густым, как желе. Шаламов осторожно приблизился к отверстию, заглянул внутрь и увидел длинный мрачный туннель, уходивший куда-то глубоко в недра здания, а на дне его мерцал странный багровый отблеск, будто там догорал костер. Интуиция подсказывала пилоту, что идти в этот туннель не стоит.

– Ты согласен со мной? – позвал он координатора.

Никто не ответил.

– Проводник, в чем дело?

Молчание. Глухая ватная тишина и в пси-диапазоне. Этого еще не хватало! Выходит, стены экранируют все виды связи?

Шаламов полюбовался на «прорубь», испытывая желание разбить «лед» рукой, потом на уходящий вниз туннель с «отблесками костра», вспомнил Верхарна: «Пространство, сплющенное между скал, смотрело на него горящими глазами», – и вылетел из башни наружу. Время экспедиции по чужому зданию неизвестного назначения еще не пришло. Тотчас же послышался мысленный «голос» координатора:

– ...дите! Даниил, почему молчите? Где вы! Я вас не слышу, сообщите координаты местонахождения... – Джордж нервничал и перешел на «вы».

– Все в порядке, старина, я никуда не исчезал, здесь, оказывается, зона блэк-аута³. Не паникуй, если связь снова прервется, попробуй на всех доступных диапазонах еще раз позвать хозяев. На нашем острове их явно нет, но ближайшие острова могут быть заселены.

– Мощности уцелевшего радиопередатчика не хватает даже на двести километров, но я давно пробую, вторые сутки.

– Как там наш «черный друг»?

– Плакал.

– Что?!

– Это образное выражение, – поправился Джордж. – Он очнулся, посидел у экрана, минут пять издавал жалобные стоны в звуковом диапазоне вместе с пси-волной тоски и горя, во всяком случае, очень похоже, и снова отрубился.

«Парень совсем ослабел, – подумал Шаламов озабоченно. – Кто знает, сколько ему жить осталось. Да и мои резервы не бесконечны, надо поторопиться с поисками аборигенов, не может быть, чтобы никого из них не осталось на целой планете. Сюда я еще вернусь, поищем вокруг».

Он облетел остров вдоль и поперек, но не обнаружил ничего, кроме «развалин леса». Остров был безлюден, если применять термин земного языка к отсутствию неведомых обитателей планеты, хотя в зарослях «стенолеса» вполне могли жить какие-то представители здешней фауны.

Понаблюдав за изумительно ровной и гладкой – ряби почти не было – поверхностью словно светящегося изнутри янтарно-медового моря, Шаламов заторопился домой, с нарастающей тревогой обдумывая слово «плакал», которым координатор охарактеризовал состояние маатанина. Конечно, ни о каком внешнем сходстве речь не шла, негуманоид не мог ни плакать, ни смеяться так, как это делал человек, но что его состояние близко подошло к критическому, было видно невооруженным глазом. А при подлете к сросшимся кораблям пилот стал свидетелем работы маатанской техники.

Горб проникателя вспучился, увеличивающийся волдырь – грузовой люк по-маатански – лопнул и со скрежетом выплюнул нелепую черную конструкцию, изломанную фантазией ее конструкторов, чем-то напоминавшую безголового Змея Горыныча. Дребезжа, как разболтанный вентилятор, она зависла на несколько мгновений над десятиметровым отверстием люка, встопорщила черные лохмотья перепончатых крыльев и перьев и, косо поднявшись в небо, исчезла в розовом сиянии.

– Наверное, зонд-автомат, – подал голос координатор.

– А где наши?

– Трудятся вовсю, принимают информацию, хотя исправен всего один канал.

– Готовь к походу куттер, через час попробую облететь планету и поискать хотя бы одну живую душу.

Шаламов вернулся в корабль и первым делом навестил маатанина. «Черный человек» был в сознании и торчал перед своим экраном, густо усыпанным светящимися, меняющимися

³ Блэк-аут – полное прекращение радиосвязи.

форму узорами, но едва ли он видел эти узоры так, как человек, обладая совершенно другим аппаратом зрения.

– Он должен видеть в ультрафиолете и мягком рентгене, – подтвердил координатор. – Хотя не исключено, что диапазон его зрения сдвинулся и в фиолетовую область видимого света.

– Если у него рентгеновское зрение, представляю, каким он видит меня: скелет в сапогах и шлеме. – Шаламов подошел ближе к маатанину. – Как ты себя чувствуешь, дружище?

«Черный человек», не шевелясь, «оглянулся» – пилот почувствовал на себе его взгляд, – но не ответил. Только по шершавой пупырчатой коже конвульсивно пробежала волна более крупных кристалликов.

– Могу я все-таки чем-нибудь помочь? Например, что-нибудь отремонтировать...

– Жидкие Земле хомо нет помоч... утверждение... совсем другой... себе нет помоч груд да... больше нет беседа время да...

«Ну и что ему ответить? – с досадой подумал Шаламов. – Доказывать, что кто-то из конструкторов проникателей самовольно поменял диапазон частот генераторов „струны“? Он не поймет... потому что не хочет понимать. Винить соседа во всех смертных грехах – последнее дело, неужели он не понимает, что друг без друга нам не обойтись?»

«Черный человек» равнодушно «отвернулся» – давление его тяжелого взгляда исчезло – и занялся своими делами, а через минуту расслабленно оплыл в кресле, потеряв сознание. Он был невероятно слаб и так же невероятно упорен и не хотел – хоть убей! – просить помощи у какого-то там «жидкого хомо». Какие чувства руководили им? Гордость? Презрение? Равнодушие к судьбе «недоразвитого землянина», к своей собственной судьбе? Или понимание обреченности? И вообще, обладает ли чувственной, эмоциональной сферой негуманоидный разум?

Шаламов впервые пожалел, что мало интересовался раньше ксенопсихологией.

– У меня есть кое-какие данные из этой области, – откликнулся Джордж. – Мы знаем всего две негуманоидные цивилизации: маатанскую и орилоунскую. Ни та, ни другая в контакт с нами не вступают. Причины такого странного отношения к разуму мне неизвестны, вероятно, оно традиционно. Знаю только, что орилоуны обладают зачатками психокультуры и своеобразным искусством, что уже предполагает наличие эмоциональной сферы, однако их этика и мораль настолько отличны от человеческих, что всякие аналогии исключены. На то, что у нас вызывает смех или любопытство, они реагируют иначе, и точек контакта наши ксенопсихологи пока не подобрали. С маатанами, по-моему, положение примерно такое же.

– Что ты подразумеваешь под искусством негуманоидов? Цель искусства вообще – заставить работать мысль и воображение аудитории выше привычной нормы. Но это человеческий подход к проблеме, а как с этим у негуманоидов?

– Я просто констатирую факт утверждения ксенопсихологов об искусстве Орилоуха, больше ничего добавить не могу.

– Понятно, извини.

Шаламов вздохнул с сожалением, не видя выхода из создавшегося положения. Бредовая идея с подключением к памяти маатанского компьютера, чтобы тот сообщил ему варианты спасения хозяина, снова всплыла из трясины трезвой оценки происходящего, но пилот поспешил утопить ее коротким выпадом сарказма: не сходи с ума! Если уж подключение собственной автоматики к мозгу едва не повлекло фатального исхода и до сих пор ломило в костях от разного рода электромагнитных «шумовых» наводок, то что же получится при выводе на мозг чужеродной информации, да еще закодированной неизвестным образом? Нет, самый реальный выход из положения – как можно быстрее отыскать хозяев Стража Горловины, маатанин, судя по всему, долго не протянет.

Пилот отдохнул в своей уютной гондоле, запустив кассету психоразгрузки – луг, опушка березового колка, речной откос, вдалеке стадо коров, идиллия! – вытерпел массаж основных

групп мышц и незаметно для Джорджа подключил к цепи управления оптимизатор интеллекта. Это был своеобразный «массаж» для позитронного мозга координатора, способствующий регулированию его мыслительной деятельности и компенсации возможных «шизофренических» синдромов, возникающих в результате «болевого» шока после повреждений кристаллической структуры мозга. Джордж отреагировал немедленно:

– Отмечаю нерасчетные колебания контурных связей и наводки в периферийных цепях. Причин такой «щекотки» проанализировать не могу из-за отсутствия данных. Встревожен.

– Успокойся, проводник, – сказал довольный Шаламов. – Все в порядке, это вмешалась машинная терапия, терпи, как терпел я. Твоя фармакопоя, кстати, что-то слабовата, никак не может справиться с ломотой в костях, дал бы что-нибудь посерьезней.

– Посерьезней может быть только удар по затылку.

– О, кажется, подействовало! Ты уже юморишь. Машина готова?

– Как штык, – после заминки ответил координатор. – Не могу не согласиться, что мне такая терапия приятна, но почему я ничего не знаю о существовании на борту «машинной медицины»?

– Потому что это резервная сеть, рассчитанная на аварию с тяжелыми последствиями, и подконтрольна она только мне. Не обижайся, многое из того, что делают люди, рассчитано на их спасение ценой... э-э...

– Понял, – сухо отрезал Джордж и неожиданно съязвил: – Раньше люди, не надеясь на интеллект отдельных индивидуумов, предусматривали для компьютеров «защиту от дурака», а теперь решили перевернуть формулу. Поздравляю!

Шаламов опешил, не сразу разобравшись в юморе координатора, но потом не выдержал и засмеялся: по сути, Джордж был прав – оптимизатор являлся своеобразной «защитой дурака от компьютера». Значила ли реплика проводника, что он вошел в форму?

Ответом был короткий смешок Джорджа. Они поняли друг друга.

Куттер ждал пилота у аварийного люка, стремительный и красивый, похожий на плоского ската-хвосткола. Судя по высвету готовности на терминале ручного управления – полупрозрачном квадрате с набором сенсоров, используемом только при отказе системы пси-управления, Джордж перекачал из «баков» «Кентавра» в емкости аппарата почти все оставшиеся крохи энергии.

Шаламов устроился в мидель-захвате аппарата – пилот в куттере не сидел, а полулежал лицом вниз, упираясь в тубус обзорной сферы, – нахлобучил тугой шлем эмкана, как в обиходе все пользователи называли пси-рацию, и рванул куттер с места в джамп-режиме.

Глава 5

За двое суток, почти без сна и отдыха, он облетел практически острова всех шести морей на шести гранях планеты-куба, убедился, что острова похожи друг на друга как две капли воды: выступающие из янтарного моря верхушки цилиндров с плоской вершиной, сплошь покрытые зарослями «стенолеса». Кроме того, пилот обнаружил около сотни построек, похожих на первый «храм» у корабля, похожих не очертаниями, а парадоксальной особенностью восприятия: издали они казались совершенными, красивыми, хотя и необычными, сработанными без единого изъяна, однако вблизи производили впечатление полного разгрома, – но нигде не встретил хозяев планеты или свежих следов их присутствия. Возраст построек, по осторожной оценке Джорджа, везде был примерно одинаков и подходил к сотне тысяч лет, но развалинами они все же не были, внешний разрушенный их вид имел какие-то другие причины.

Однажды Шаламов встретил невиданный ранее летательный аппарат, издали похожий на красивого парящего кондора, но вблизи «кондор» смотрелся как сварганенный кое-как, из чего попало воздушный змей, ничуть не напоминающий величественную земную птицу, и на

сигналы не реагировал совершенно, направляя полет к одному ему известной цели. Может, то был автомат аборигенов, контролирующий состояние среды, а может, и маатанский зонд, исследующий новый мир.

Получая новые и новые порции сведений о кубообразной планете, Шаламов все больше убеждался в том, что открыл искусственный объект, созданный еще одной негуманоидной расой. Особенно изумляли его «леса» Стража, до умопомрачения похожие на настоящие развалины сгоревших дотла городов, крепостей, замков или старинных заводов. Джордж предложил назвать это чудо местной флоры и фауны вудволловыми лесами: от двух английских слов wood – лес, и wall – стена, и Шаламов, поколебавшись, принял предложение: вудволловый лес – тавтология, конечно, однако звучит гораздо приятнее, чем прежнее «стенолес».

Устав так, что в который раз пришлось прибегнуть к укрепляющим и тонизирующим препаратам, пилот снова вернулся к мысли о прямом подключении к компьютеру маатанского корабля. Такое подключение при счастливом стечении обстоятельств помогло бы не только найти способ связи с маатанами, что в перспективе способно было спасти и самого экспериментатора, но и найти метод лечения маатанина. Однако шаг этот был настолько рискованным, что Джордж даже не захотел подсчитывать вероятность благоприятного исхода, охарактеризовав одним словом «дурак» шансы пилота остаться живым и нормальным человеком.

Шаламов снова кинулся в поиск аборигенов, несказанно мучаясь от дикого напряжения: в управляющем компьютере куттера полетел дисциплинатор, и приходилось напрягать волю, чтобы куттер летел туда, куда надо, и не реагировал на «побочные шумовые» мысли пилота, сбивающие компьютер с толку. Мыслеуправление всегда требовало от водителей чрезвычайно строгой дисциплины мысли, и Шаламов справился с управлением потому, что был одним из лучших драйверов-прима СПАС-центра с пятнадцатилетним опытом пилотирования любой техники.

Он сутки обследовал «горные хребты» ребер планеты-куба, монолитные, усыпанные крупными порами, но голые и безжизненные, а потом запасы энергии в емкостях куттера иссякли, и пилот с трудом дотянул до цилиндра-острова с «храмом», посадив аппарат за тридцать километров от сросшихся кораблей. Поплутав по «развалинам» вудволлового леса – антиграв без энергии тоже не тянул, – он за шесть часов кое-как доплелся до «Кентавра», и сил его хватило только на ответ Джорджу, взгляд на тушу «черного человека» и на решение о немедленной подготовке к подключению. Ждать до тех пор, пока у Джорджа кончатся и оставшиеся в наличии скудные запасы энергии, без надежды на их пополнение, не имело смысла.

– Давай лучше подключусь к нему я, – предложил Джордж, когда Шаламов привел себя в порядок. – Риск намного меньше, к тому же я машина.

Пилот отрицательно помотал головой.

– Извини, старина, твои возможности самоподстройки в таких условиях невелики, а я специально тренирован на выживание в экстремальной среде. Вспомни, как нас называют поэты, любители громких фраз. Правильно, рисконавтами! Ну а меня кто-то прозвал «сверхрисконавтом СПАС-флота». Да и случись что с тобой, мне одному все равно не выкарабкаться, так что риск остается. Ты лучше помоги избежать первого вазомоторного шока. Запускай «пчел» внутрь этого маатанского монстра, даю тебе сроку на исследование корабля сутки. И час на анализ работы его компьютера. Больше ждать мы не имеем права, «черный» почти готов, а мы как-никак спасатели.

– От упрямства нет лекарства, – сказал Джордж сердито и надолго замолчал. Он тоже был почти мертв, энергии хватало лишь на минимум жизнеобеспечения кабины пилота и на исследовательские работы. Шансы починить «гавкнувшиеся», по выражению пилота, многодиапазонные накопители таяли с каждым часом, «Кентавр» давно перестал быть межзвездным спасательным шлюпом, восстановить его собственное и перевозимое им оборудование было уже невозможно.

Шаламов попробовал еще раз подключить к маатанину диагностер, но Джордж обругал его вредителем и посоветовал «подышать свежим воздухом»: земная медицина была бессильна дать прогноз здоровья негуманоида, не имевшего внутренних органов в обычном понимании этих вещей. А сам маатанин все с тем же беспощадным фанатичным упрямством не желал разговаривать, несмотря на бедственное положение, и в короткие минуты полного сознания отгораживался от пилота давящим мысленно-психологическим барьером; Шаламов ощущал этот барьер каменной стеной с бойницами, за которыми притаились вражеские лучники с колчанами, полными стрел.

Однажды он не выдержал и упрекнул маатанина в его непровоцированно негативном отношении к людям.

– Это же безнравственно, наконец! – закончил он в сердцах.

И получил потрясающую в своей простоте, совершенно неожиданную отповедь:

– Хомо людно сам безнравство. – «Черный человек» помолчал, «глядя» на замершего Шаламова недружелюбно и мрачно (так его взгляд ощущал пилот). – Людно отношение при-рода нравство... вопрос. Нет. Много время нет. Мы знание... вопрос нет.

– Нет, – ответил Шаламов.

Больше они не разговаривали. Основную часть времени маатанин проводил в состоянии застывшей металлической горы и бредил: в мозгу пилота вспыхивали сами собой причудливые фигуры, таинственные тающие призраки, ползущие «ангелы» с крыльями птеродактилей, обрывки слов и фраз...

Гулять по «стражгорловианской» электрической природе не хотелось, в основном из-за непрекращавшихся болей в позвоночнике и в костях, но пилот заставил себя облачиться в легкий пленочный скафандр, надел антиграв и снова полетел к загадочному «храму», присутствие которого волновало душу и заставляло прикидывать возможности контакта со строителями, искать причины их непонятного исчезновения.

Облетев эту колоссальную постройку кругом, пилот вдруг опять вспомнил строки Верхарна, удивившись их созвучию с явью: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки от какой разрушенной Вселенной?» Древний бельгийский поэт словно своими глазами видел мир Стража Горловины и писал о нем. Господи, что же это за куб, равный планете? Для чего он построен почти сто тысяч лет назад? Зачем ему моря, атмосфера? «Храмы», наконец? Почему они покинуты? Ау, строители, где вы?..

Эфир молчал. «Храм» безмолвствовал. Тишина прочно владела вудволловым лесом, островом, морем, атмосферой, планетой-кубом, построенной неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Только Джордж, в котором проснулось чувство юмора, не удержался от реплики, следуя заложенной в него программе поддерживать хозяина всеми доступными ему средствами:

– Видимо, техника у кубиан, или «стражгорловиан», как ты их обозвал, достигла такого совершенства, что они смогли обойтись без самих себя.

Шаламов невольно улыбнулся, расставаясь с оцепенением волшебных грез.

– Принимаю твое предложение: назовем аборигенов кубианами, так хоть не режет слух. Но ты не отвлекайся от основной задачи, шутник. Я тут поброжу в «храме», посмотрю, что это такое. Помни о прекращении связи.

Спасатель приметил достаточно широкий проем среди громадных пепельно-серых стен, торчащих «лепестками тюльпана», и проник в извилистый коридор, ведущий в шарообразную полость с мерцающими стенами. В полости, как и в башне при первом посещении «храма», царила невесомость, а стены ее, усеянные рваными дырами приблизительно одинаковых размеров – словно из полости хотели сделать дуршлаг, – мерцали искристым узором, как перламутровое песчаное ложе реки сквозь толщу воды солнечным днем. Одна из самых больших

дыр была похожа на стеклянное окно, затянутое морозным узором, а в глубине второй дыры мрак был какой-то странный, красноватый, будто отражавший отсветы далекого пожара.

Связь с координатором снова прервалась, однако пилота это обстоятельство не смутило, в нем все еще жила надежда на встречу с теми, кто создал странные «полуживые» города, «храмы» и вообще планету-куб. Кроме того, он терпеть не мог ничегонеделанья, предпочитая активно искать выход из любых, даже самых безнадежных положений. Осмотрев мрачное отверстие с «пожаром» внутри, Шаламов поспорил со своим внутренним «я», не рекомендовавшим залезать в туннель, нашел доводы оппонента убедительными и попробовал прочность «стекла со льдом». К его удивлению, рука прошла «стекло» без сопротивления и каких-либо неприятных ощущений. Тогда Шаламов окунулся в «окно», ничего не видя впереди, и в тот же миг его «разобрали на атомы», превратили в облачко газа, подержали в таком состоянии и снова «собрали»...

Шаламов инстинктивно подался назад и выбрался из «окна» в той же полости. Впрочем, не совсем в той: форма полости была иной, да и рваных дыр в ней не было вовсе. Рядом на него мрачно смотрел зрачок черного туннеля с отблесками пламени, аверху виднелся светлый кружок выхода. Пилот с замиранием сердца поднялся вверх и вылетел из башни «храма». И почти сразу увидел, что «храм» вовсе не тот, в который он залетел, и стоит он не на острове с поврежденными космолетами.

Хорошо, что надел скафандр с автономным питанием, пришла первая мысль. Вторая была эмоциональней, ибо характеризовала самого Шаламова не с совсем лестной стороны, он уже сообразил, что совершенно случайно влез в узел мгновенного маатранспорта хозяев Стража Горловины, точно так же как внутри маатанского корабля на «мустанга». Видимо, где-то на страницах Книги Бытия рукой судьбы ему было начертано дважды нештатно испытать на себе чужие транспортные системы.

– Джордж, старина, где ты? – позвал Шаламов, не надеясь на скорый ответ. Координатор не ответил. Он был слишком далеко, чтобы услышать слабенькую рацию скафандра. Впрочем, пилот не нуждался в советах, потому что уже догадался, как поступить. Все работающие станции сети мгновенного транспорта, по логике, должны были соединяться друг с другом, и даже прыжок в иную звездную систему не менял положения: вернуться оттуда обратно не составляло большого труда.

Налюбовавшись переливчатым сиянием Горловины, Шаламов вернулся в «пещеру» «храма», представлявшую собой машину перемещения, нырнул в «окно со льдом», испытал процедуру «рассеивания» на атомы и вынырнул из «окна» другой похожей «пещеры». Определив по свечению выход наружу, задержал дыхание и вылетел из «храма». Вылетел и забыл о приступах слабости, у него даже дух захватило от невероятной, нереальной по земным меркам картины: «храм» стоял точно на вершине куба, где сходились его исполинские ребра – «хребты» и грани с видимыми сквозь дымку атмосферы линзами морей. Слов, способных выразить состояние Шаламова, не было, да он их и не искал, забыв и о постоянных глухих болях в суставах, и о своем незавидном положении. Главными ощущениями были жадный интерес и восторг, граничащий с суеверным испугом: человеку было еще так далеко до строительства подобных чудес...

Третий прыжок занес спасателя в глубины моря, судя по коричневой тьме с желтыми прожилками за толщей стены, четвертый – снова на «хребет» ребра планеты-куба, пятый – в абсолютный мрак подземелья. Вернулась тягучая головная боль, которую не снимали ни гиперальгин, ни аутотренинг. Шаламов механически, с тупым равнодушием входил в окно переброса, выходил в новом месте, окидывал взглядом пейзаж и снова нырял в отверстие входа. Он едва не прозевал нужной точки выхода: очнулся, не глядя по сторонам, собрался шагнуть в «подернутую льдом прорубь» и вдруг понял, что ландшафт с вудволловым лесом, серо-желто-зелеными холмами и близким, светящимся желтизной морем ему знаком. Этот остров он уже

посещал, когда облетал моря на куттере в поисках аборигенов, и располагался остров не так уж и далеко от места посадки «Кентавра».

Однако после долгих размышлений пилоту все же пришлось еще раз войти в туннель мгновенного скачка: дойти своим ходом на антиграве до корабля все равно было невозможно. Стиснув зубы, Шаламов заставил себя прыгнуть в «ледяное окно».

– Вези домой, ирод проклятый! – сказал он при этом с ненавистью.

«Ирод» – автомат перемещения – не обиделся и то ли читал мысли пассажира (надо было догадаться приказать автомату раньше), то ли Шаламову наконец повезло – вышел он на острове с видимым издалика маатанским кораблем и «гарпуном» «Кентавра». Как добирался к нему, отвечал ли на скороговорку обрадованного и потому страшно ругавшегося Джорджа – не помнил, потому что провалился в темный сон-беспамятство мгновенно, лишь только коснулся спиной мягчайшей изоляционной спинки кресла. И снова заботливые «руки» медицинского комплекса, встроенного в гондолу кресла, начали приводить его в чувство, растирать и кормить. Но вылечить его полностью автоматы все же не могли.

Глава 6

В последний раз окинув взглядом пустынный пейзаж острова, Шаламов задрал люк и спустился вниз, в свою жилую камеру, где ждала его подготовленная к работе система передачи информации. В отличие от Джорджа внутренний голос, уговаривающий его не рисковать – мол, не спасешь ни маатанина, ни себя, к чему эти эксперименты, когда есть Джордж, вот его и подключи, – замолчал только после того, как Шаламов разозлился и заставил свое второе «я» уйти в «подполье». Мысли о Купаве приходили все чаще, но с ними он справлялся без труда. Купава поняла бы его решение.

«Пчелы» поработали на славу, проникнув во все доступные микроавтоматам места маатанского корабля и собрав информацию о работе его систем энергооборудования и вычислительных комплексов. Джордж проанализировал поступивший массив информации и рассчитал варианты обратной связи с центральным компьютером чужака, хотя компьютером эту странную управляющую систему, строго говоря, назвать было нельзя: она скорее напоминала нервную систему живого существа, вживленную в металлокерамическую гору с кавернами, причем в гору, которая свободно трансформировала свою форму и создавала внутри себя любые пространственные объемы. Но каналы управления этим квазикомпьютером сводились к залу с полумертвым маатанином, и Джорджу было несложно определить точки главных выходов «терминала», с помощью которого «черный человек» управлял своим проникателем. Правда, Джордж, сконструированный для целей, далеких от решения лингвистических задач, действующий по законам антилогии, математики и физики, так и не сумел разобраться, какие сведения содержит память компьютера. Это мог сделать только Шаламов, включенный напрямую в цепь контроля. Причем дело осложнялось тем, что координатор не знал, какое из подключаемых «нервных узлов» – контуров памяти – содержит нужную пилоту информацию.

– Ничего, – пробормотал Шаламов, – включай поочередно, потом сам разберешься, что нам нужно, если я потеряю сознание. Но сначала помоги «включить» собственный резерв.

Джордж настроил аппаратуру лазерного иглоукалывания и вызвал у пилота состояние стрессовой гипермнезии – сверхзапоминания. О последствиях эксперимента разговора не было, Шаламов понимал, на что идет.

За час до этого Джордж попытался подключить свой дубль-блок к выходу одной из координирующих цепей маатанского компьютера, но это привело лишь к тому, что блок после включения выдавал на выходе бессмысленный набор слов и цифр. Конечно, можно было попытаться еще инициировать в дырбное серию коротких и длинных распадов, аналогичных сигналам азбуки Морзе, то есть дать SOS, однако эта, в общем-то, неплохая идея не гарантировала,

что сигналы будут услышаны и запеленгованы, потому что диапазон дыробоя был далек от тех аварийных частот, на которых слушают космос земные СПАСы⁴. Шанс был, но у Шаламова не оставалось времени на ожидание ответа, «черный человек» почти не двигался и перестал высвечивать даже бред.

– Приготовились, – сказал Джордж. – Трехсекундный отсчет.

При счете «три» в мозг пилота хлынула лавина чужеродной информации, насыщенная невероятным «мусором» специфичных маатанских понятий, символов и знаков, яркими искрами и вспышками озарений и темными облаками абсолютного непонимания. Это впечатление прорвавшего плотину водного потока, несущего на спине различный мусор, пелену и нефтяные пятна, сохранилось у Шаламова и после окончания сеанса.

Продержался он ровно две минуты, затем боль информационно-токсического шока оборвала сознание.

Джордж отключил выход маатанского компьютера на сферу пси-приема пилота и быстро привел того в чувство, выветив перед глазами данные медицинского контроля: пульс, давление крови, температуру, частоту дыхания, тургорные характеристики мышц, кардиозапас.

– Может быть, хватит, мастер?

– Делай свое дело, – мысленно отрезал Шаламов. – И подключи на всякий случай резервы памяти, может быть, что-нибудь запишется в параллели, только заблокируй входы основных управляющих центров, не то сам превратишься в маатанина.

Джордж послушно выполнил приказ и снова «вонзил» в голову пилота бесшумную молнию информационного разряда чужой машины.

Дважды Шаламов всплывал из небытия после ударов аффективного и спинального шоков и окончательно потерял сознание только после явного пресыщения мозга, в течение получаса работавшего со скоростью электронно-вычислительной машины и получившего колоссальный объект маатанских знаний.

Сутки после этого жестокого эксперимента пилот отдыхал, ослабевший до такой степени – мозг не смог переварить весь информационный поток и «саботировал» даже простейшие физиологические потребности, – что внезапно засыпал во время еды или испытывал приступы беспричинного удушья.

Джордж лечил его молча, без обычных нравоучений и ворчания, но не потому, что того требовал метод лечения, а из-за неясных ему патологических проявлений в работе многих внутренних органов Шаламова, возникающих в результате неадекватной работы спинного и головного мозга. Что-то разладилось в организме пилота, центральная нервная система стала источником «фантомных» болей и «перевернутых чувств»: Шаламов вдруг начинал «слышать» глазами, «видеть» кожей рук или «чувствовать» волосами температуру. Но все это было не страшно, на Земле излечивали и не такое, главными же источниками беспокойства Джорджа оставались идущие в глубинах психики пилота процессы перерождения интеллекта и памяти: в мозгу человека боролись две вселенные – человеческая и маатанская, негуманоидная, рождалась темная бездна чужих инстинктов и чувств, вспыхивали и гасли галактики странных психических состояний, проявлялась записанная в памяти информация, обработанная подсознанием.

Однако тренированный и сильный интеллект пилота в конце концов одержал верх, хотя никто, конечно, не мог предсказать, какими будут последствия необычного пси-контакта. Шаламов неожиданно заблокировал пси-связь с Джорджем и общался с ним только по радио. Несмотря на постепенное улучшение общего тонуса, он не мог пока ни самостоятельно дви-

⁴ СПАС – станция приема аварийных сигналов.

гаться, ни отправлять естественные физиологические надобности, и координатору приходилось ухаживать за хозяином в аварийном режиме.

На вторые сутки Шаламов потребовал дать ему рецептор прямой связи с исследовательским комплексом. Координатор выполнил приказ. Спустя минуту «пчелы» снова полезли в маатанский корабль, подчиняясь неведомым командам пилота. Что они там делали, Джордж так и не узнал, «пчелы» имели выход только на мозг Шаламова, и ни одна из них не вернулась в бункер кибер-комплекса. После этого пилот завладел памятью Джорджа и гипервычислителем, с помощью которого мог оперировать расчетами любой сложности со скоростью самого координатора, и в течение трех часов гонял вычислитель как бешеный, уйдя в дебри странных и неприятных вычислений, от которых Джорджу становилось не по себе: за вычислениями стоял мир чужих правил, знаний, математических и этических формул.

Шаламов потерял сознание неожиданно, работал он далеко за пределами человеческих возможностей и не «всплывал» из беспамятства около семи часов, бледный до синевы, с окаменевшими в судороге от непонятной тоскливой потери губами. Диагностер бесстрастно выдал столбец биопараметров пилота, и Джордж испугался по-настоящему: с расширением невралгии у Шаламова обнаружилось около десятка микроизлияний крови в мозг. Пилот нуждался в немедленной операции, но сделать это можно было только на Земле, координатор не был рассчитан на лечение человека с такими специфическими травмами.

Шаламов выкарабкался из пропасти небытия сам и снова задействовал вычислитель, а затем Джордж стал свидетелем того, как пилот превратился в хозяина маатанского корабля, оживив его исполнительную технику и дремлющую автоматику из числа оставшейся неповрежденной.

Какие-то корявые, с человеческой точки зрения, механизмы, похожие на ожившие творения абстракционистов, принялись чинить и латать зал управления, запеленали неподвижного «черного человека» в серебристую пленку и поместили под ажурный колпак, напоминавший грубо сделанную птичью клетку. Маатанин был еще жив и даже в сознании, но индифферентный, как и прежде, не желая ни общаться, ни принимать предлагаемую помощь.

Деятельность маатанских киберов прекратилась так же внезапно, как и началась: они разломали силовые отсеки и блоки управления «Кентавра», а также оборудование, которое он вез по назначению как спасатель-курьер, перенесли нужные Шаламову компоненты аппаратуры на маатанский корабль и вырастили на панцире «черепахи» корабля кособокую башню, по виду – «из рогов и копыт». Затем попрятались по своим норам. Все стихло. Тишина завладела кораблями, Джордж «затаил дыхание», готовый выполнить любой приказ командира, но Шаламов молчал по-прежнему и не включал пси-связь. Он был в сознании, даже улыбался иногда – сквозь невероятную усталость и непрерывную, терзающую тело и мозг боль. Глаза его были открыты, но Джордж знал, что пилот ничего не видит, его зрительные нейроны были парализованы.

– Все в порядке, старина, – прошептал Шаламов, услышав жалостливый «шепот» координатора. – Я все-таки не даром ношу значок мастера-спасателя... мне, наверное, хана, но с техникой «черного» я разобрался...

– Включите пси-канал, Даниил, – попросил Джордж, воспрянувший «духом», – я попробую снять аспекты, и мы поборемся с недугом.

– Нет, дружище, держись теперь от меня подальше, я стал для тебя опасен. Скоро за «черным» прилетят, я починил его тахеопередатчик, используя кое-что из нашего оборудования, иначе ничего не получилось бы, и дал SOS на их языке. Не вмешивайся ни во что... если я не смогу участвовать в контакте лично. Понял?

– Да, мастер. И все же еще раз прошу использовать медкомплекс, вдвоем мы хотя бы снимем болевой синдром. Кстати, если их передатчик работает, почему бы не позвать нашу аварийно-спасательную службу?

– К сожалению, частоты передатчика далеки от частот наших приемников, как и в случае дыробоя, едва ли наши астрономы службы пространства слушают в этом диапазоне, и я, конечно же, дал сигнал, остается только ждать.

– Но вас необходимо лечить! И как можно скорее. Я подключу диагностер.

Шаламов не ответил. У него не было ни сил, ни желания спорить, ни особого желания жить. В голове все еще вертелась одна-единственная фраза, уже почти не тревожащая душу: «Бедная Купава!...»

И тогда Джордж впервые нарушил приказ хозяина: преодолел порог команды запрета и включил контур мысленного съема. И получил сильнейший шумовой шок, превративший его в бесполезный кибернетический хлам – он «захлебнулся» чужой информацией...

Соплеменники «черного человека» прилетели за ним спустя десять часов после включения передатчика, починенного Шаламовым, но ни пилот, ни «сошедший с ума» Джордж не видели, как над островом зависла километровая кошмарная конструкция в пластинчатой броне, а из нее на «журавлиных гнездах» вылетели два десятка черно-золотых фигур. Маатане обследовали свой разбитый проникатель, не обращая внимания на торчащий из него «дротик» «Кентавра», забрали запеленатого, полуживого командира и через час улетели, оставив землянина в недрах своего покалеченного корабля, не сделав даже попытки анализа ситуации, не выяснив причины аварии и не узнав, остался ли кто-то в живых из экипажа земного корабля и нуждается ли он в помощи. Зато они потратили около четырех земных суток на монтаж ячеистой конструкции, напоминавшей пенал, уложили в ячей мертвых собратьев и направили «пенал» в глубину «серой дыры». Уходя из Горловины, они оставили у планеты-куба маяк, высвечивающий галактическим кодом фразу: «Владение Маата. Входить, изучать, пользоваться запрещено!»

Часть II Человек-Да

Глава 1

Заремба посмотрел на Мальгина как-то по-особенному, с любопытством и сожалением, словно знал о нем нечто не укладывающееся в рамки общественного мнения о товарище.

– Ты еще не в курсе?..

Мальгин, только что вошедший в служебный модуль, с давних времен называемый кабинетом, не оглядываясь, сделал жест – заходи. Одет он был по обыкновению в голубую рубашку с черной искрой, черным воротником и черными обшлагами рукавов, в белые брюки и такие же туфли.

Заремба остановился на пороге, глядя на прямую развитую спину заведующего отделением нейропроблем, надежную спину уверенного в себе, уравновешенного и сильного человека. Повторил:

– Так ты еще не знаешь новость?

Мальгин сел за стол, включил автоматику, формирующую рабочую поверхность: из черной блестящей плоскости стола вылез «бутон» эмкана, линза селектора виома, информационный блок, сетчатый карандаш киб-секретаря. Наконец Мальгин поднял спокойный взгляд серых глаз, способных становиться прозрачными до ледяной твердости, искриться сдерживаемым, всегда запрятанным в глубине смехом или прятаться за бровью иронического прищура.

– Не бери меня на арапа, Иван. Ох и не люблю я твою манеру сообщать неприятные новости.

Заремба, не вынимая рук из карманов, прошел на середину уютного кабинета заведующего отделением.

– Час назад привезли Шаламова...

Глаза Мальгина сузились, похолодели, стали почти прозрачными.

– Не понял. Что значит привезли?

– Он очень плох, попал в какой-то переплет при аварийном курьерском посыле или, как у них говорят, – кенгуру. У него коматозное состояние, колониальный невррит... – Заремба замолчал, глядя, как «железный» Мальгин вдруг побледнел, вернее, побелел, так что губы его стали синими, под цвет оттенка рубашки. Длилось это несколько мгновений, заведующий тут же взял себя в руки, но цвет лица вернулся к нему не скоро.

– Где он?

– В первом боксе, у Стобецкого, над ним сейчас колдуют сам Готард и Билл-старший со всеми своими «вивисекторами». Таланов обещал собрать консилиум, искал тебя, но не нашел.

– Я был на корте, – машинально сказал Мальгин и стремительно вышел из кабинета, хотя мог бы связаться с клиническим отделением Готарда Стобецкого по селектору. – Кто его привез? – спросил он уже на ходу, вскакивая в коридоре в первую попавшуюся «улитку» институтского конформного лифта.

– Спасатели, кто же еще, – забубнил Заремба в спину. – Некто Жостов и двое врачей, одного я немного знаю по практике – Джума Хан, врач «Скорой».

«Улитка» вынырнула из коммуникационной шахты у двери с зеленой полосой под номером два, бесшумно свернула прозрачные перепонки выхода.

Бокс номер два был собственно нейроклиникой, и заведовал ею Готард Стобецкий, нейрофизиолог и врач с тридцатилетней практикой. Шел ему шестьдесят второй год, но выглядел он на тридцать пять: молодой, гладколицый, уверенный и обстоятельный до пунктуальности.

Ошибался Стобецкий редко и, вероятно, поэтому не допускал мысли, что может быть не прав. Это его качество раздражало Мальгина, но в остальном они давно притерлись друг к другу и хорошо знали свои возможности, сильные и слабые стороны, хотя это не мешало им вести деловые и неделовые споры и отстаивать свою точку зрения. Но не до вражды.

Пространство клиники было функционально и эстетически организовано таким образом, что любая палата – а их было около трех десятков – имела прямой лонж-выход в операционный и процедурный комплексы, и выглядело это ячеистыми янтарными выступами, напоминавшими обнаженные светящиеся пчелиные соты, которые упирались в причудливо изогнутые палевые «бутоны» реанимакамер. Дежурный терминал управления операционной прятался в хрустально-белом «бутоне», сквозь стенки которого были видны врачи за двумя развернутыми пси-вириалами⁵ стационарного диагностера и медицинского информ-банка.

Стобецкий, заметив заведующего первым отделением, жестом попросил соседа освободить кресло. Мальгин, кивком поздоровавшись со всеми и пожав Готарду руку, сел. Виом напротив показывал внутренности реанимакамеры с телом Шаламова. В правой верхней четверти оперативного фронта изображения загорались и гасли строки бланк-сообщений, а чуть ниже – данные медицинского анализа.

– Нечто странное, – отрывисто бросил Стобецкий. – У него парадоксальный статус абсанса⁶, резко нарушена нейроцитоархитектоника мозга: таламус сплюснен и загнан в нейтропиль, оба полушария срослись в одно целое, промежуточный мозг проник в средний, сетчатое образование исчезло, мозжечок увеличился в объеме в два раза... ну и так далее. Никогда не видел ничего подобного!..

Левая нижняя часть виома отразила голографический разрез мозга пострадавшего. Алая стрелка показала узлы нарушений и переродившиеся участки коры.

– Кроме того, ПНС⁷ у него расположено прямо над тазом, а не на границе брюшной полости, – добавил заметно волнующийся Билл-старший, заместитель Стобецкого, приступивший к работе всего три дня назад. – Такое впечатление, будто оно «сползло». А corpus callosum⁸ увеличилось и соединило полушария!

– По данным коллег, – Стобецкий кивнул в сторону группы мужчин в фирменных голубовато-зеленых комби – такие носили все врачи «Скорой помощи» и спасательной службы, – его организм большую часть времени отказывается регулировать деятельность внутренних органов.

– Что значит «большую часть времени»?

Один из гостей, рослый, черноволосый, загорелый до цвета красной меди, с хищным носом и черными цепкими глазами, придвинулся ближе.

– Это значит, что иногда этот парень вдруг сам выкарабкивается из беспомощности и организм начинает ему подчиняться. Не надолго, на три-четыре минуты, но и это удивительно, ведь, по сути, он фрустрирован⁹.

– Простите, с кем имею честь?

– Джума Хан, – представился черноволосый, и Мальгин понял, что его загар – нормальный, естественный цвет кожи.

– Нейрэктомия¹⁰ делали? – спросил Стобецкий, манипулируя секторами диагностера.

⁵ Пси-вириал – блок управления с конформным преобразованием аппаратуры, заменивший устаревшие пульта; содержит аппаратуру звукового и мысленного (пси) управления.

⁶ Статус абсанса – состояние больного, характеризующееся серией абсанов (кратковременных потерь сознания с последующей амнезией), в промежутках между которыми сознание полностью не восстанавливается.

⁷ ПНС – превертебральное нервное сплетение.

⁸ Мозолистое тело (лат.).

⁹ Фрустрация – дезорганизация сознания личности.

¹⁰ Нейрэктомия – иссечение участка нерва.

– Конечно, данные в персонбанке. У него прогрессирующая гетероплоидия¹¹. И при всем том парень умудряется всплывать из преисподней и разговаривать как вполне нормальный, почти здоровый человек! Очень сильная личность.

– Учтите, он, ко всему, еще и слеп, – невпопад вмешался Заремба, дыша в затылок Мальгину.

– Где Таланов?

– На связи с индийским филиалом, через пару минут явится.

Виом вдруг подернулся рябью, стершей все надписи. Приглушенно прозвенел колокол внимания. На мигающем огнями «кактусе» вириала зажглись голубые и зеленые огни отмены контактного контроля.

– Он просыпается, – быстро сказал Джума Хан. – Зафиксируйте параметры в момент «всплывания», это важно.

– Пациент в сознании, – четко доложил инк-координатор клиники.

Виом прояснился.

Лицо Шаламова с открытыми глазами было повернуто к людям (видеокамерам, конечно), так что создавалось впечатление, будто он их видит, хотя спасатель был слеп.

– Джума, – позвал он.

В группе, обступившей Мальгина и Стобецкого, произошло общее движение.

– Я здесь, Даниил, – с небольшим опозданием ответил Джума Хан, покосившись на Мальгина.

– Где я?

– В Москве, в Институте нейрохирургии.

Шаламов помолчал: в зале повисла хрупкая тишина. Было видно, что держится спасатель с большим трудом, колоссальным напряжением воли – по лицу его поползли капли пота.

– Клим, ты тоже здесь?

– Да, – каменно-твердо ответил Мальгин, шевельнув желваками.

Шаламов усмехнулся не мигая. Заремба невольно поежился.

– Тогда я могу быть спокоен. Не давай никому меня резать, Клим, меня нельзя резать. Даже тебе. Понял? Даже тебе!.. Ты понял? – настойчиво повторил спасатель.

– Да, – ответил Мальгин.

Шаламов еще несколько мгновений с улыбкой, кривой, понимающе-иронической, сожаляющей, странной, смотрел (не видя!) на замерших врачей, потом расслабился и откинул голову, глаза его закрылись.

– Потеря пульса, – отозвался инк. – Активирую ВРС¹², дыхание, нейропинг, блокирую выделение избыточных доз вазопрессина, окситомина.

– Дьявольщина! – произнес Стобецкий. – Это же невозможно!

– Что именно? – сухо спросил Мальгин с чувством, близким к растерянности, глядя на тело друга, опутанное шлангами и проводами. Шаламов всегда был похож на дерзкого и удачливого пирата, по-мужски красивого, склонного к риску, решительного и упрямого, настолько уверенного в себе, в своей неуязвимости, что трудно было представить, будто с ним может произойти какое-либо несчастье. Во всяком случае, Мальгин знал его давно и никогда не думал, что Шаламов, олицетворяющий по натуре тип джеклондоновского героя, вдруг окажется в положении смертельно больного...

– Каким образом он приходит в себя, не имея возможности управлять физиологией? Это же нонсенс!

¹¹ Гетероплоидия – изменение структуры некоторых хромосом.

¹² ВРС – водитель ритма сердца.

– Мы называли такие моменты «пароксизмами жизни» или «парадоксальным сознанием», – сказал Джума Хан; Мальгину нравилось, как держится молодой врач спасателей, спокойно, уверенно и раскованно. – Кстати, во время «пароксизмов жизни» у него почти все основные функции приходят в норму.

Заремба легонько толкнул Мальгина в спину.

– Главный...

Толпа врачей расступилась, пропуская Богдана Таланова, директора Института нейрохирургии, всегда озабоченного, нахмуренного, с морщинистым сухим лицом; глубокие поперечные морщины на лбу главного врача говорили о его возрасте больше, чем седые виски.

– Ваше мнение, Клим? – Голос у директора был низкий, почти бас, но мягкий, не оглушающий.

– Я только что узнал об этом, – сдержанно ответил Мальгин. – Мне нужно знать, помимо медицинской диагностики, как все произошло, где, по какой причине, то есть получить всю доступную информацию.

– Можем дать только приблизительную реконструкцию происшествия, – сказал один из спасателей чуть в нос; это и был Прохор Жостов, руководитель сектора, в котором работал Шаламов. – Дело в том, что мы обнаружили Даниила в последний момент, когда он уже не дышал, да и координатор его шлюпа был кристаллически мертв. Никто, по сути, не знает, что произошло, а маатане не хотят сообщать подробности.

– При чем тут маатане?

– О случившемся мы узнали от них, точнее, от маатанина, которого спас Шаламов. Это все, что известно достоверно. В системе, где мы нашли спасателя, – кстати, это в высшей степени интересная система, так называемая Горловина «серой дыры», – на искусственной планете, имеющей форму куба, остался маатанский космолет, но он тоже пуст. По всему видно, что шлюп Даниила в состоянии «струны» пересек «струну» чужого корабля, но о подробностях аварии расспросить некого.

– Появятся новые сведения – сообщите, пожалуйста.

– Непременно.

– У него есть близкие? Родственники? – спросил Таланов.

– Отец, мать, жена, – ответил Джума Хан.

– Они знают?

– Отец и мать знают, жена еще нет, она... беременна.

Мальгин медленно повернулся к говорившему.

– Что?.. Что вы сказали?

– Она беременна, – невозмутимо повторил Джума Хан. – Мы считаем, что в сложившейся ситуации до родов ее нельзя волновать этим сообщением.

«Когда же роды?» – хотел спросить Мальгин, но сдержался.

Таланов сел на его место, придвинул к темени выросший из мигающего огнями «кактуса» пси-вириала на гибком усике «одуванчик» эмкана и погрузился в мысленные переговоры с координатором. Через две минуты отодвинул эмкан, помассировал висок ладонью.

– Готард, продолжайте аналizaционное сканирование и структурное интегрирование показаний. Завтра соберем консилиум. Клим, доклад сделаете вы, не забудьте главное: выводы и рекомендации консилиума принимаются к неукоснительному исполнению, и ошибки должны быть исключены. Такого случая я не помню в практике, и вряд ли подобные зафиксированы историей медицины, но все-таки покопайтесь в планетарном БМД и банках СПАС-службы.

Мальгин молча кивнул.

Весь день он находился под впечатлением встречи с Шаламовым и страшного диагноза его состояния. Память вопреки воле снова и снова прокручивала события давно минувших дней: детство, юность, совместные игры, увлечения, ссоры, первые серьезные шаги в жизни и наконец, встречи с Купавой. До института. После. Признание... Да, тогда он казался старше, значимее и увереннее Шаламова благодаря своей природной сдержанности и спокойствию. Даниил слишком разбрасывался, хватался за тысячу дел, с легкостью бросая переставшие его интересовать, а Мальгин шел одной тропой к намеченной цели, и Купава пошла за ним. Четыре года, конечно, не прошли как один день, и все же они жили, не ощущая власти времени, но потом Шаламов вернулся из очередной звездной экспедиции повзрослевший, переживший смерть товарищей, научившийся ценить сказанное им самим слово и ответный взгляд друга... нет, они встречались втроем и раньше. Купава любила Шаламова, как она говорила, – за общительность, распахнутость души и склонность к юмору, но кто же знал, что это чувство внезапно усилится многократно и вырвется на свободу, ломая рамки сложившихся отношений, паритет дружбы и устоявшихся взглядов на смысл жизни?! Кто? Только не Мальгин. И ему пришлось пережить самый тяжелый день в своей жизни, когда Купава сказала ему, что уходит к Шаламову! День, когда был разрушен замок его привычных представлений о женской любви и мужской дружбе, и ночь, когда он сквозь боль и муку нахлынувшего одиночества вдруг понял, насколько ошибался в себе!..

Шаламов пришел на следующее утро, волнуясь, сказал всего несколько слов:

– Я ничего не знал. Она пришла час назад. Ты, наверное, догадывался, что я ее люблю, но я бы никогда сам... она пришла и... – Шаламов беспомощно пожал плечами и криво улыбнулся; Мальгин впервые увидел в глазах друга растерянность. – Если считаешь меня подлецом – прощай.

Мальгин покачал головой. Ему было плохо, очень плохо, однако он недаром считался сильным и выдержанным человеком.

«Все правильно, – подумал он почти бесстрастно, загнав свою боль глубоко в сердце. – Она сделала все правильно. Я бы тоже никогда не понял, что все кончилось, а если бы и понял, то не поверил. Редко кто способен признаться в собственном эгоизме добровольно...» Однако вслух он сказал другое:

– Дан, если вы с Купавой не будете возражать, я приду к вам в гости. Позже. А сейчас я хочу побыть один.

Он сдержал свое слово... через два месяца, когда почти полностью преодолел последствия самоанализа, тоскливую тягу к голосу Купавы и желание сделать операцию на собственной памяти. И еще дважды приходил к ним в гости, хотя Купава всегда почему-то пугалась его приходов, и вот спустя еще полгода Шаламова привозят спасатели...

«Господи, – снова подумал Мальгин со страхом, – она беременна! И вполне вероятно, „виновен“ в этом именно я!.. Хотя какое это имеет теперь значение? Главное, она ничего не знает о Дане. Что же случится, когда ей сообщат о положении мужа?...»

Вошел Заремба, как всегда – руки в карманах.

– Предлагаю путешествие в ближайший водоем – искупаться.

До Мальгина не сразу дошел смысл сказанного.

– Тебе что, делать нечего?

Заремба опешил; Мальгина всегда забавляло, как Иван, который был на девять лет моложе его, вел себя со всеми запанибрата, покровительственно, и всегда совершенно искренне поражался, когда его ставили на место. Но характер у молодого нейрохирурга был незлобивый, покладистый, общительный, просто он так был воспитан, без критического отношения к себе, сам обижался часто и быстро, но так же быстро остывал.

– Будешь ждать, пока Готард подготовит анализ?

– А ты предлагаешь докладывать на консилиуме ему?

– Нет, но времени-то еще воз и маленькая тележка.

Мальгин потерял интерес к разговору и снова уткнулся в стол, по черной панели которого ползли последние сводки медицинских новостей из всех районов земного шара, отобранные для него киб-секретарем. За день лицо заведующего отделением осунулось и заострилось.

Заремба потоптался у стола, повздыхал.

– Ты меня включишь в бригаду лечащих?

Мальгин с трудом вернулся из глубин памяти.

– Я хотел бы попасть в ПР-группу.

Клим наконец выключил информпрограмму, вскинул на нейрохирурга затуманенные глаза.

– Надеюсь, у тебя есть основания?

– Ну, я думаю... считаю, что я... хороший специалист, врач...

Мальгин вздохнул.

– Ты же знаешь, что этого недостаточно, Иван. Ответственность за лечение таких пациентов, как Шаламов, требует полной отдачи, колоссального опыта и знаний.

– Что я, по-твоему, не лечил никого? – насупился Заремба. – А кто оперировал Кадовски? Кто поставил правильный диагноз Ламбергу?

– Ты. – Мальгин снова вздохнул. – Но ты пока умудряешься брать на себя больше, чем можешь унести. К тому же Таланов уже назначил бригаду операционников.

– И кто в нее вошел?

– Готард, я и... как его, врач-спасатель Джума Хан. Трое.

– Мне этот индеец не показался опытным. – Заремба покривил губы. – К тому же трое в группе – мало. Могу заменить индейца.

– Он афганец.

– Какая разница? Значит, не берешь?

Мальгин тронул сенсор вызова, отрицательно качнул головой.

– Ты даже не представляешь, какой это трудный случай. Не знаю, как Готард и Джума, но я... я просто боюсь давать прогнозы.

«Знал бы ты, что я испытываю, – с тоской подумал он. – Умирает человек, который был моим другом, не подозревая, что мы давно враги! Умирает исключительно коммуникабельный человек, которого все любили и всегда ждали. Умирает тот, кто, не дрогнув, пожертвовал собой, спасая маатанина, совершенно чужое разумное существо, не способное на ответное благородство. И наконец, умирает тот, к кому ушла жена, превыше всего в жизни ставящая честность отношений, какой бы ни была цена... Что будет, если Даниил умрет? Вернется ли она? И что будет, если он все-таки выживет?..»

Над «глазом» виома развернулся объем изображения с головой Стобецкого.

– Давайте поработаем вместе, – сказал Мальгин. – Мне некуда деться.

– Успеешь поработать, – недовольно проговорил Готард. – Через пару часов я дам предварительный вывод.

– И все же я подключусь в параллель. Извините, Готард, но у меня есть свои резоны... Этот человек... мой злейший друг.

Стобецкий пожевал губами, хмурясь, нехотя кивнул. Потом не удержался от ехидной тирады:

– Боишься, что на стадии прогноза не учту какую-нибудь мелочь? Стобецкий еще не ошибался в анализе.

– Я знаю. – Мальгин остался бесстрастным. – Но решать судьбу этого парня буду, наверное, я.

Виом погас, Стобецкий выключил интерком.

– Индюк, – сказал Заремба простодушно. – Клим, вспомни обо мне, я не подведу. Желаю удачи.

Мальгин остался один. Минут десять он сидел в том же положении, боролся с воспоминаниями и, победив, дал задание киб-секретарю связаться со спасательной службой и собрать все материалы о работе Шаламова. После этого спустился в клинику Стобеецкого, где автоматы реанимакамеры, насколько это возможно, поддерживали оптимальную среду для одного пациента, Даниила Шаламова, мастера-спасателя тридцати двух лет от роду, верного своим принципам всегда и везде, даже в ситуации, когда выбор один – жизнь своя за жизнь чужую...

Стобеецкий не сказал ни слова, когда Мальгин сел рядом и вывел на второй эман параллельный выход диагностера. До глубокой ночи они работали в полной тишине, связанные оперативным полем компьютера, а когда закончили формирование отчета, долго сидели за светящимся «кактусом» вириала и смотрели на неподвижное тело Шаламова, погруженные каждый в свои мысли и чувства. Их рабочие отношения можно было бы выразить двумя словами: унисон диссонансов. Но это, в общем-то, парадоксальное словосочетание точно определяло способности каждого видеть границы принципиальной оценки событий. Стобеецкий ушел раньше, буркнув «спокойной ночи». Мальгин вернулся в кабинет, еще раз перечитал собственные выводы, зафиксированные памятью машины – в институте ее все называли Гиппократом, – и в третьем часу ночи покинул институт. Думал он, к собственному отвращению, только об одном: у Купавы будет ребенок...

На консилиуме присутствовали едва ли не все крупнейшие специалисты с приставкой «нейро» в области изучения и лечения человеческого мозга и нервной системы: нейропсихологи и физиологи, хирурги и химики, кибернетики и лингвисты, психологи и генетики, в том числе и доктор неврологии Каминский, возглавлявший Европейский центр индивидуальной психотерапии.

Данные анализа состояния Шаламова произвели на каждого из них разное впечатление, но в одном их мнения совпали: случай был уникальным. Мозг пациента переродился почти на пятьдесят процентов и продолжал изменяться, хотя процесс этот и замедлился после медикаментозного вмешательства врачей спасательной службы. Начали играть особую роль интрамуральные нейроны, замурованные в стенках сосудов, их объем увеличился, а структура изменилась, теперь они объединились в автономную сеть, образовав специфический нейропиль – «скелет» новой нервной системы, почти не зависящей от головного и спинного мозга.

За сутки, истекшие с момента доставки Шаламова в институт, он дважды приходил в себя, звал Джуму Хана или Мальгина, просил ничего не сообщать Купаве, настойчиво требовал не пичкать его нейролептиками и обойтись без хирургического вмешательства в его организм. Каждый раз после этих кратких сеансов полного сознания у него останавливалось сердце и наступала клиническая смерть, но ухищрениями медиков, вооруженных тысячелетними знаниями методов и накопленным опытом медицины, опирающихся на умные машины и точнейшую аппаратуру, Шаламов снова возвращался к жизни, вернее, полужизни, большую часть времени проводя в глубоком беспамятстве. Он был явно неоперабелен, о чем прямо заявил Стобеецкий, но Мальгин, как, впрочем, и сам Готард, и Таланов, и многие другие, не видел иного выхода: Шаламова надо было срочно оперировать, он мог умереть в любую минуту.

– Ну, хорошо, операция необходима, – согласился Каминский, чем-то напоминавший Мальгину дремлющего седого льва. – Но ведь сам пациент от нее отказывается. Не нарушаем ли мы норм врачебной этики? К тому же поле хирургического вмешательства настолько велико, что едва ли с операцией справится один человек. Вот вы, например, справитесь? – Каминский посмотрел на Стобеецкого.

Готард нахмурился, пожевал губы и вдруг, к удивлению Мальгина – тот ожидал другого, отрицательно качнул головой.

– Я, наверное, нет, а вот он справится. – Кивок на Мальгина. – Клим – лучший нейрохирург Системы, нейреконтруктор высшей квалификации...

– Оставьте славословие, Готард, – негромко перебил коллегу Мальгин. – Бронислав прав, оперировать придется сразу два десятка пораженных участков, но не это главное. Операция ничего не даст, если мы не сможем стереть чужую информацию в мозгу больного. Именно она формирует те структурные и нейрохимические изменения мозга и тела Шаламова на уровне неосознанной психики, подсознания, которые превращают его в... – Мальгин запнулся, – в нечеловека. Но вы не учитываете фактор времени. У нас его нет. Дальше будет еще хуже, процесс перерождения продолжается, и скоро мы упремся в тупик, из которого всего два выхода: смерть пациента или полная фрустрация личности, что для него в принципе одно и то же.

– Вы берете на себя ответственность за исход операции? Придется сделать не одну, а целую сотню тончайших операций одновременно.

Мальгин поднял на Каминского твердый взгляд, мельком отметив жест Зарембы, означавший: «Не дрейфь».

– Да, – сказал он и вспомнил шепот Купавы: «Тебя все называют человеком-да. Ты всегда так уверен в себе? В своей судьбе? В правильности выбора цели?» – «Да», – ответил он в тот день...

– Но, повторяю, до нейрооперации необходима операция по очистке мозга больного от «шлаков» чужеродной информации. Это самое трудное и опасное в данном случае. Подобную операцию проводили всего один раз за всю историю медицины: около тридцати лет назад мой предшественник Наумов оперировал двух космонавтов, попавших под информационно-лучевой удар над Юпитером.

– Ему было труднее, – проворчал Стобецкий. – В те времена еще не было машин типа Умник или Гиппократ.

Мальгин промолчал.

– Но насколько я понял, вы не знаете всех запасов криптогнозы¹³, – сказал Каминский. – К тому же она может быть перемешана с жизненно важной наследственной и приобретенной информацией. Как вы отделите «зерна от плевел»?

В демонстрационном зале, где проходил консилиум, повисла тишина.

– Есть только один способ, – нарушил ее Мальгин, посмотрев на задумавшегося Таланова. – Прямой пси-контакт. Необходимо замкнуть мозг больного на мозг врача.

– Но это же колоссальный риск!

– Да, риск, – согласился Таланов, – прежде всего риск шокового исхода и глубокой психотравмы хирурга, но я не уверен, что нет другого выхода. Давайте подумаем вместе, может быть, выход найдется. Предлагаю укомплектовать группу профессионального лечебного риска пятью врачами. У кого другое мнение? Прошу назвать кандидатуры.

– Разрешите слово? – встал Заремба. – Мне кажется, мы кое-что упускаем из виду.

Мальгин, приготовившийся к тому, что Иван станет предлагать в группу себя, с интересом посмотрел на молодого хирурга.

– Конкретней, пожалуйста, – сказал Таланов с обычной своей ироничной вежливостью.

– Шаламов работал с маатанской техникой в состоянии гипермнезии и впитал почти весь запас информации их корабельного компьютера, поэтому прежде, чем заняться лечением больного, необходимо узнать все о маатанах: их биологию, физиологию, биохимию и так далее. Только тогда мы быстрее поймем процессы, идущие в организме Шаламова, и сможем определить пределы хирургического и психофармакологического вмешательства.

«А молодец Иван, голова у него варит», – подумал Мальгин с некоторым удивлением; сам он упустил из виду эту особенность случившегося.

¹³ Криптогноза – информация, осевшая в глубинах неосознанной психики.

– Идея хорошая, – сказал Таланов, – хотя мы об этом не забывали. Но как ее осуществить практически? Насколько я осведомлен, контакт с нами маатане отвергли. Вообще удивительно, что этот травмированный маатанин, которого спас Шаламов, внезапно проникся благодарностью к нему и решил сообщить нам координаты места катастрофы.

Заремба сунул было руки в карманы, но, посмотрев на Мальгина, вытянул их обратно.

– Это можно объяснить, – сказал он со снисходительной небрежностью. – Шаламов сбавал обратную связь с маатанским компьютером, а тот мог иметь такую же с маатанином. Вот «черному человеку» и передалась часть эмоциональной и психогностической информации спасателя.

В зале снова воцарилась тишина.

«Недооценивал я Ивана, – подумал Мальгин с невольным сожалением. – Из него может получиться отличный врач. Главное, он умеет думать».

Таланов кашлянул в кулак, в глазах его отразилось уважение.

– А вот об этом я не подумал. Спасибо за идею, она интересна и ценна. Правда, я все равно не вижу, каким образом можно получить сведения о физиологии маатан.

– Да очень просто! Разве у нас в УАСС нет отдела разведки или безопасности? Пограничников наконец? Пусть поработают!

На лицах присутствующих в зале мелькнули улыбки. Горячность молодого нейрохирурга и его манера поведения импонировали многим.

– Это как раз очень непросто, – негромко сказал Джума Хан. – Как вы себе сие представляете?

– Элементарно: выкрасть маатанина, обследовать и вернуть... извинившись.

Последняя фраза Зарембы снова развеселила присутствующих, но ненадолго. Предстояло принять решение, определяющее дальнейшую судьбу больного.

Спустя полчаса группа риска была создана. В нее вошли четверо мужчин: Мальгин, Стобецкий, Джума Хан, а также Бронислав Каминский, и женщина, один из крупнейших нейрохимиков Земли – Карой Чоккой. Консилиум закончил работу, и теперь предстояло выработать стратегию и тактику лечения Шаламова, поставившего в тупик странной своей болезнью лучших специалистов Земли в области изучения человеческого мозга и нервной системы человека.

Заремба хотел было навязать Мальгину свое общество, но Клим отверг эти попытки двумя словами: «встретимся завтра» – и сбежал из института, наугад ткнув иглой задачника в схему выходов метро¹⁴. Вышел он на второй станции метро Ио, спутника Сатурна, над прозрачным куполом которой нависала пухлая пятнисто-полосатая стена гигантской планеты, перечеркнутая узкой полоской кольца, видимого с ребра.

«А может быть, поступить по совету Зарембы? – подумал Мальгин, глядя на заметное глазу движение пятен на боку Сатурна. – Выкрасть „черного человека“, предварительно подготовив исследовательский комплекс на базе больших Умников академии, и за два-три часа „распотрошить“ его по всем параметрам. Потом извиниться и, бия себя в грудь коленом, вернуть обратно...»

Из-за горба планеты брызнуло расплавленным золотом солнце. Мальгин не отвернулся, только сожмурился.

«Нет, не имеем мы права действовать подобным образом, по-пиратски. Пусть „черные люди“ высокомерны, эгоистичны и равнодушны к нам, но это никому из людей не дает моральных преимуществ. Этика контакта живых с живыми складывалась веками, от контактов с братьями нашими меньшими – животными – до контактов людей с людьми. Мы пережили все: войны и геноцид, расизм и оголтелый шовинизм, примитивный социализм, фашизм и псев-

¹⁴ *Метро* (от слов «мгновенный транспорт») – система мгновенного масс-транспорта; ретроспективный возврат старого привычного термина одного из самых удобных видов транспорта XX века.

докоммунизм и ворох других производных „измов“, пока не научились уважать чужое мнение и чужие желания. Шаламов не прикидывал размеров личной выгоды от спасения „черного человека“, он просто его спасал... как тот дурак, который не знал, что задача неразрешима, и потому решил ее...

Ах, Данька, Данька, кто знал, что ты станешь моим пациентом! Человек устроен таким образом, что считает себя бессмертным до тех пор, пока не встретится со смертью лицом к лицу, а ты был сверхоптимистом и вряд ли задумывался над тем, что смертен, как и все. В какую же историю ты влип, мой злейший друг! И меня тянешь за собой в пропасть... потому что никогда не задумывался о последствиях своих поступков. Я даже не уверен, думал ли ты о Купаве, когда спасал этого каменно-металлического монстра... хотя эгоистом тебя никто назвать не вправе, даже я. Просто ты такой, какой есть, – ничего показного, фальшивого, хитрого, весь на ладони. А главное, ты всегда был искренне уверен, причем не в меру общепринятых норм, что предать тебя никто не может, тем более друзья. Надо же таким уродиться?! А подумал ли ты о том, каково сейчас мне? Имею ли я право на ошибку, зная о твоём святом неведении и не менее святой уверенности в моем профессионализме, в том, что я вытяну тебя из преисподней?..»

В глубинах атмосферы Сатурна мигнула алая звезда – луч лазер-связи какого-то исследовательского автомата. Мальгин опомнился и шагнул обратно в камеру метро, не обращая внимания на удивленные взгляды работников станции. Через двадцать минут он был дома.

Принял душ, переоделся, выпил бокал испли и вдруг бессознательно набрал телекс Купавы, заблокировав обратную связь.

Виом развернулся почти сразу. Перед Мальгиным возник вид до боли знакомой гостиней Шаламова, а напротив стояла Купава в халатике и с недоумением смотрела на Мальгина, и, хотя видеть его она не могла, Клим невольно сделал шаг в сторону, глотая ставшую горькой слюну.

– Слушаю вас, – нараспев сказала Купава с рязанским выговором, откидывая пушистую прядь волос со щеки. – Включите обратку, я вас не вижу.

Мальгин молчал, сжав кулаки так, что ногти впились в ладонь. Он увидел округлившийся живот, изменивший фигуру женщины, ее осторожные движения, и в голову ударило волной пронзительной тоски и отчаяния. Купава любила Шаламова и еще ничего не знала о случившемся.

– Кто звонит? – повторила Купава, и вдруг выражение ее лица изменилось. – Клим?.. Ведь это ты, Клим, я знаю. Включи обратку, я хочу посмотреть на тебя. Почему ты не звонишь?

Мальгин с трудом проглотил ком в горле и выключил виом связи.

Уснул он только под утро, на рассвете.

Глава 2

Заремба встретил Мальгина рассеянным «привет». Он сидел за пси-вириалом реаниматора с эмканом на голове и, судя по сигнализации на терминале, работал с вычислителем в режиме интегрального обобщения. Стобецкого в клинике не было.

– Где Готард? – спросил Мальгин, включая передачу из реанимакамеры. Виом раскрыл внутренность камеры: сквозь зеленоватый сумрак физиогаза едва проглядывало тело Шаламова, похожее на скульптуру спортсмена из позеленевшей бронзы.

– Ушел, – ответил Заремба с запозданием. – Он дежурил с Ханом всю ночь. Подожди, я сейчас освобожусь.

Мальгин сел рядом, вывел на второй эмкан информацию сторожа состояния, выслушал мысленный доклад, откинулся в кресле. Эмкан свернулся в гибкий усик и втянулся в пульсирующую колонну вириала.

Состояние Шаламова не изменилось к лучшему, состояние коллапса – на грани клинической смерти. Спасатель не реагировал на раздражители, смену физиогаза, излучателей, стимуляторов и на регулярные сеансы внутривенного питания. Но за ночь он дважды «всплывал» из небытия в пароксизме псевдосознания, почти полностью восстанавливая на несколько минут функции сердечно-сосудистой, вегетативной и центральной нервной систем. Однако блокада пси-сферы при этом не снималась, то есть даже с помощью точнейших датчиков не удавалось «снять мысли» спасателя, уловить, о чем он думает и какая информация скрывается в глубинах его памяти.

Заремба стащил ушастую дугу эмкана и небрежно бросил на вириал, пригладил волосы.

– Я нашел причину слепоты: у него нарушена связь между стрирной зрительной корой и латеральным коленантным телом. Восстановить эту связь для меня – пара пустяков.

– Что он говорил в сознании?

– По-моему, ничего существенного... нет, постой, первый раз позвал тебя и умолк, а второй произнес странную фразу, сейчас вспомню... да, вот: «Я, обезумевший в лесу Предвечных Чисел».

– Числ, – поправил Мальгин. – Это Верхарн, Даниил любит его поэзию. – Клим полузакрыв глаза, помолчал, потом продекламировал: – «В одежде цвета горечи и яда рассудок мой холодным мертвецом плывет по Темзе вверх лицом».

Заремба хихикнул, но, видя, что Мальгин не расположен шутить, подобрался виновато и покачал головой:

– Мрачновато, хотя и весьма оригинально. Я лично Верхарна не читал и не особенно жалею об этом. Что будем делать, Климыч? Машина дает ему не больше двух суток жизни. Если не успеем что-либо предпринять, летальный исход неизбежен, несмотря на временные прояснения сознания, которые твой любимый Хан назвал «фазами хозяина».

– Кстати, где он?

– Джума? У себя, наверное, в клинике СПАС-центра, я им как-то не интересовался. Скажи, ты знаком с Карой? Она почему-то интересовалась тобой, звонила, я дал твой домашний телекс. Ну и женщина, скажу я тебе! С ходу можно отдать ей корону «мисс Вселенная»! Во всяком случае, я бы отдал. Красивая женщина, а? Она занимается исследованием нейрилеммы и нейроглии¹⁵, а старик Каминский собрал своих лингвистов и кибернетиков¹⁶, его задача – ЦНС. И все равно мы придем к одному: требуется срочная операция. Вернее, две операции, как ты и говорил: стирание чужой информации – после выявления запасов криптогнозы и воссоздание нормального генома, конструирование здоровых хромосом со всеми вытекающими последствиями. – Последние слова Заремба проговорил с видимым удовольствием, смакуя.

Мальгин молчал, все так же полузакрыв глаза. Заремба вдруг щелкнул пальцами, глаза его загорелись.

– А давай сами слетаем к маатанам в гости и умыкнем одного, если они не дадут нужной биоинформации! А?

– Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

– Очень даже понимаю. Попытка – не пытка, а твой друг ждать не может, он и так на ладан дышит.

Мальгин встал так стремительно, что Заремба отшатнулся.

– Ты что?..

¹⁵ Нейрилемма – оболочка нервных волокон; нейроглия – ткань нервной системы, в которой располагаются нервные клетки.

¹⁶ Подразумевается: нейролингвистов и нейрокибернетиков; нейролингвистика изучает нарушения языковых навыков, нейрокибернетика – организацию и функционирование нервных сетей, механизмов памяти и поведения.

– Ничего, – глухо сказал Клим. – Может быть, и из лучших побуждений, но ты провокатор, Иван. Обзвони всех и сообщи, что собираемся в двенадцать, будем решать. Спросит Таланов – я в Управлении спасателей.

– Хорошо, скажу. – Заремба шмыгнул носом. – А почему я провокатор?

Мальгин окинул хирурга взглядом, глаза его стали грустными.

– Тебе никогда не приходило в голову, что ты слишком медленно взрослеешь? Сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– А ведешь себя подчас как двенадцатилетний малец. Подумай на досуге, ведь есть чем – голова иногда сообщает.

В девятом часу утра Мальгин нашел Джуму Хана в шоковом отделении клиники УАСС. Меднолицый врач «Скорой помощи» не удивился визиту, извинившись перед коллегой, отвел Клима в сторону; они медленно пошли по заросшему травой – таково было впечатление от ковра – коридору.

– Нужна полная информация о физиологии и биологии маатан, – сказал Мальгин прямо. – Я не имею права оперировать, не представляя полной картины того, с чем могу встретиться на молекулярном и атомарном уровнях.

– Такой информацией мы не располагаем и вряд ли будем располагать в ближайшем будущем.

– Разве вы не поняли? – холодно спросил Мальгин. – Я и сам знаю, что у нас есть, а чего нет.

Джума Хан остался невозмутимым.

– Не сердитесь, я вас понял. К сожалению, мои коллеги не догадались доставить из Горловины шлюп Шаламова или хотя бы его инк. А выудить что-либо из поврежденного проводника на месте не удалось.

– Надо срочно доставить его сюда и отдать специалистам-структурщикам, может, хоть что-нибудь выудят.

– Боюсь, что это невозможно, маатане установили в Горловине «маяк-табу», по терминологии безопасников, то есть знак частного владения. Мы не имеем права врываться на занятую ими территорию.

– Но ведь вы уже «врывались», когда забирали Шаламова.

– Сядем, – кивнул Хан на кресла в нише с видом на пойму Десны. Сели друг против друга, похожие сдержанностью и той особенной мимикой, которая выдает в собеседнике умного, понимающего иронию и юмор человека.

– Все не так просто, не однозначно. Да, мы забрали Шаламова из Горловины, но после этого маатане выпустили внутри ее сторожей, имеющих приказ уничтожать любых непрошенных гостей.

Мальгин молча смотрел на врача. Тот оценил его взгляд.

– Да, такова их логика, и ничего с этим не поделаешь.

– А откуда это известно?

Джума Хан слегка улыбнулся.

– У разведки свои секреты и методы, к тому же по этому делу работают еще пограничники и безопасники.

– Но ведь «черные люди» имеют точно такие же права на «серую дыру», что и мы, Шаламов «обнаружил» ее, если можно так сказать, одновременно с маатанином.

– С юридической точки зрения – да, мы имеем право на владение как Горловиной, так и планетой-кубом, – Шаламов назвал ее Стражем Горловины, – хотя никто из людей никогда не стал бы присваивать себе лично и вообще всему человечеству подобный объект, нам достаточно иметь возможность исследования феномена, однако «черные люди» не признают зако-

нов земной юрисдикции. Конечно, комиссия ИВК¹⁷ попытается официальным путем решить возникшие правовые вопросы, но едва ли маатане станут нас слушать.

– Так что же, уперлись в тупик и на этом успокоимся?

Джума внимательно посмотрел в глаза Мальгину.

– У вас есть конкретные предложения?

– Нет, – сказал Мальгин нехотя через некоторое время. – Но у меня в распоряжении сутки, от силы двое. Сегодня в двенадцать я объявил общий сбор рисконавтов, и, если решение не будет найдено, я начну действовать так, как сочту нужным.

Джума Хан покачал головой.

– Напрасно вы разговариваете со мной как с противником, я целиком и полностью на вашей стороне, и, как бы вы ни решили – а я думаю, что понял вас правильно, – будем действовать сообща, аморфная позиция не по мне.

Мальгин встал, протянул руку.

– Благодарю, и простите за резкость, этот случай настолько неординарен для меня в личном отношении, что я не имею права ошибаться.

Ладонь у Джумы была широкая и шершаво-твердая.

– Никто из нас не имеет права ошибаться, хотя без ошибок человек – не человек. Хотите, покажу одну любопытную картинку?

– Она имеет отношение к теме нашего разговора?

– Прямое.

В своем рабочем кабинете Хан включил стол, полистал оглавление проектора и остановился на нужном кадре. Виом развернул плоскость цветного изображения, медленно протаявшего в глубину. Мальгин увидел дымящийся черный океан, низкое мрачное небо с перьями фосфоресцирующих облаков, неожиданно светлый берег с редкими скалами.

– Снято в ультрафиолете, – пояснил Джума, наблюдая за Мальгиным. – Догадываешься?

Вглядевшись, Клим понял, что видит вовсе не скалы, а чудовищные скелеты, облепленные не то насекомыми, не то пиявками. А на заднем плане торчало из песка косо уходящее в небо перепончатое перламутрово-полупрозрачное, с красивым рисунком прожилок крыло, на вершине которого громоздилась мрачная, многогорбая, наполовину покрытая зеркальным слоем глыба – «черный человек».

На стереоснимке был запечатлен пейзаж Маата.

Ничего больше не сказав друг другу, они разошлись. Мальгин вернулся в институт и принялся внимательно изучать сканер-срезы мозга Шаламова, намечая пробную «тропу вмешательства». А около одиннадцати в клинику пришла Купава.

Одета она была в нечто пушистое, снежно-белое с голубым, с зеркальными перетяжками – комплект «воздушный замок», скрывающий фигуру, и никто не взял бы на себя смелость утверждать, что Купава ждет ребенка. В кабинет она вошла без предупреждения.

Когда Мальгин, недовольный вторжением, повернул голову к двери, он сначала не поверил глазам своим, потом встал, не снимая эмкана, и молча уставился на женщину. В голове поплыли дым и звон – и ни единой мысли.

Смуглое лицо Купавы казалось чуть бледнее обычного, а изогнутые, как птичьи крылья, брови придавали лицу какое-то трагическое выражение. Мальгин никогда не видел у нее такого!

– Что же ты не приглашаешь меня сесть, человек-да? – спросила она тихо, с неожиданно робкой улыбкой.

Мальгин опомнился, сорвал с головы эмкан, бросил на стол, вышел навстречу. Слова застряли в горле, пришлось откашливаться.

¹⁷ Институт внеземных культур.

– Извини, я просто-напросто остолбенел. Проходи, садись.

– Спасибо. Не ожидал?

– Нет, – сказал он так жестко, что она снова улыбнулась, но улыбка была невеселой и недолгой.

– Клим, ты же сильный и добрый, иначе тебя не назвали бы человеком-да, почему ты ничего мне не сказал?

– О чем?!

– Не притворяйся. – В голосе женщины прорывались слезы; она села в кресло и облегченно вздохнула, прислушиваясь к себе. – Ты не способен на обман и должен сказать правду: что с Даном?

Мальгин попятился, поймал спинку кресла, сел напротив.

– Кто тебе сообщил?

– Неважно кто. Ты звонил вчера, и я... почувствовала. И потом, у меня есть друзья в Управлении спасателей и среди пограничников... они сказали, что он здесь. Что с ним? Почему он лежит у вас, в Институте нейрохирургии? Почему мне никто ничего толком не говорит?

– У тебя будет ребенок, – сказал он вдруг утверждающим тоном, словно разговор шел об этом.

– Да, – сказала она спокойно, не удивляясь, только прищурилась и словно отгородилась от него внутренним барьером.

– Мой ребенок, – уточнил он.

– Да, – повторила Купава все так же спокойно. – Но это ничего не меняет, Клим. И речь о другом. Что случилось с Даном? Почему он оказался в твоём институте?

– Идиот, – сказал он вдруг сокрушенно.

Купава вздрогнула, непонимающе посмотрела на Мальгина.

– Я идиот, – добавил он. – Что позволил тогда тебе уйти. Почему-то не сработала интуиция. Надо было догнать тебя, всыпать как следует и вернуть.

– Вряд ли это подействовало бы, я бы все равно ушла.

– Нет, – сказал он тихо, но так твердо, что Купава посмотрела на него с явным интересом.

– Ты, кажется, становишься человеком-нет. Не отвлекайся, Клим, я знаю твою манеру уводить разговор в сторону, когда ты не хочешь говорить о главном. Почему Дан оказался в Институте нейрохирургии? У него... стресс?

– Хуже, – помолчав, сказал Мальгин: полуправду он не любил так же, как и ложь. – У него коматозное состояние, сильнейший шок... а он умудряется при этом на две-три минуты выкарабкиваться из беспомысленности и просить, чтобы тебе ничего пока не сообщали...

– Что с ним случилось? Он же ушел в обычный курьерский рейс...

– Его шлюп в режиме «компакт-струна» пересекся с чужим кораблем... оба «выпали» в наше трехмерное пространство внутри «серой дыры», вернее, внутри входа в нее... и, чтобы спасти экипаж чужака, Дан вывел на свой мозг память и динамику операционных полей их компьютера... маатанского компьютера.

Мальгин поднял голову и тут же опустил.

Купава смотрела на него ставшими вдруг огромными бездонными глазами, но совершенно пустыми, словно душа ее вдруг выгорела дотла.

– Он...

– Сейчас он почти нечеловек, Купава. И спасти его... – Клим хотел сказать: «невозможно», но не смог, но она поняла.

– Ты сможешь! – прошептала она. – Ты сможешь, Клим, ты же все можешь, ты лучший нейрохирург Системы, не говори «нет»... – Шепот угас.

– Не знаю. – С горлом у Мальгина снова что-то случилось, слова застревали, цеплялись и царапали горло, и он испытал самую настоящую боль. – Не знаю. Это правда.

Она вдруг коротко и зло рассмеялась, так что у Мальгина пробежала по спине ледяная дорожка озноба.

– Тебе не кажется, что мы с тобой оживили джек-лондоновский сюжет?

– Какой? – Он смотрел непонимающе.

– Вспомни рассказ «Конец сказки». От хирурга Линдея ушла жена, и ему пришлось лечить соперника...

Клим кивнул, к нему возвращалась былая уверенность и сила, понимание того, что он тоже не в состоянии сказать «нет».

– Так вот, – продолжала Купава, кусая губы, – я тоже могу, как та женщина, Медж, предложить тебе компромисс: спаси Дана, и я уйду к тебе... навсегда!

Мальгин встал, наглухо застегнутый в бронежилет самообладания, хотя в квартире души, уютно обставленной согласно привычкам и желаниям тридцатилетнего мужчины, возведшего в абсолют догмат выдержки и самоконтроля, вдруг появилось желание сделать Купаве больно. Росло это желание недолго, Мальгин умел бороться с малодушием. Он усмехнулся и подумал: «Когда-то наши разговоры были для меня сродни умственной гимнастике, заставляли держать себя в постоянной интеллектуальной форме. Как давно это было, а интонации сохранились до сих пор. Неужели мне суждено это помнить всегда?»

– А если я соглашусь на твоё условие?

В глубине глаз Купавы мелькнуло не то сомнение, не то страх, но думала она в данный момент не о себе.

– Я приду.

Мальгин глубоко вздохнул, не позволяя сорваться с языка невысказанному, и Купава поняла, о чем он подумал.

– Ты до сих пор не прости мне... ухода?

Он покачал головой:

– Не о том говорим.

– Не прости... а мне казалось, умение прощать – свойство сильных. Ты же сильный, Клим, неужели никогда не...

– Замолчи, – оборвал он ее почти грубо, – иначе я возненавижу себя за то, что дал тебе повод думать обо мне так. Уходи, Купава, потому что мы наговорим друг другу такого, что не сможем потом простить никогда. Меня не нужно упрашивать вылечить Дана, это мой прямой долг. Одно знаю твердо: я сделаю все, что в моих силах, и даже больше, насколько это вообще возможно.

Купава встала, до боли желанная и чужая, встретила его взгляд, и снова в глазах ее мелькнул страх. «Почему страх? – подумал Клим с недоумением, мимолетно. – За кого она боится? Господи, неужели за меня?!»

Купава вдруг шагнула к нему, поцеловала и, не оглядываясь, пошла к двери, а он остался стоять, оглушенный бурей чувств и желанием разбить голову о стену...

Потом, спустя несколько бесконечных минут, буря стихла, боль ушла, и голова стала пустой, легкой, звонкой, как фарфоровый сосуд; отзвуком эмоционального урагана повисла в тишине нота грусти и тоски... и снова, как при ее появлении, – ни одной мысли.

«Хватит!» – сказал сам себе Мальгин с ненавистью, а когда это не помогло – ударил кулаком в стену так, что разбил пальцы в кровь! Физическая боль отрезвила.

Группа риска в полном составе собралась возле реанимакамеры в двенадцать часов.

Стобецкий попытался было вслух обобщить свои личные выводы, но его перебил Заремба, и они вдруг углубились в спор, заинтересовавший и остальных. Предметом спора стала конечная стадия преобразования личности Шаламова. Стобецкий утверждал, что про-

цесс интериоризации, то есть расщепления личности, зашел слишком далеко, и спасатель едва ли уже сможет вернуться в исходное состояние.

– Чепуха! – заявил Заремба безапелляционным тоном, становясь похожим на своего оппонента. – Должна победить человеческая основа. Слишком долго эволюция лепила и обжигала человека, чтобы он сдался под напором информ-мутагена, пусть даже и на уровне генного приказа...

Мальгин одним ухом прислушивался к спору, поглядывая то на безмолвствующего Каминского, то на Карой Чокрой. Заремба не преувеличивал, женщина действительно была молода и красива, хотя уже успела стать ведущим нейрохимиком планеты. Мальгин слышал о ней, читал ее работы, но встречаться с Чокрой даже по виому ему еще не приходилось. Видимо, их интерес был взаимным, потому что взгляд Мальгина то и дело наталкивался на встречный взгляд женщины, изучающий, задумчивый и вспыхивающий искрами улыбки в ответ на горячие выпады Зарембы.

– Может быть, коллеги позволят перейти к делу? – негромко сказал невозмутимый Джума Хан. Он был единственным из их мужской компании, кто не поглядывал на представительницу слабого пола.

Заремба хотел было огрызнуться, но Мальгин остановил его, подняв ладонь вверх.

– Разрешите начать?

Стобецкий остановился на полуслове, посмотрел на Карой Чокрой, словно проверяя, какое впечатление оставила фраза Мальгина, и нехотя кивнул.

– Простите, не сдержался. Все мы знаем положение больного, и нет смысла спорить по мелочам. Я, безусловно, хочу его вылечить и буду рад, если ошибусь, предполагая худшее. Что вы хотите предложить, Клим?

– Сначала я хотел бы выслушать остальных, и прежде всего вас, Карой. Данные анализа я знаю, только выводы и прогноз.

Нейрохимик положила ногу на ногу. Держалась свободно и непринужденно, и было заметно, что взгляды мужчин ее занимают мало. Мальгин невольно сравнил Карой с Купавой, тип лица у обеих женщин был одинаков, вероятно, обе имели славянские корни, общих предков; но если красота Купавы была милой, «домашней», противоречащей, кстати, ее резкому независимому характеру, то у Карой доминировала печать интеллекта, деловой независимости и уверенности. Тонкое смуглое лицо ее с бровями вразлет притягивало взоры и заставляло мужчин держать себя в постоянном напряжении.

– Я бы хотела вернуться к спору и поддержать коллегу Стобецкого, – произнесла женщина глубоким контральто. – Судя по цитохимическому изменению структурных органелл нейронов и расстройству всей нервной системы, у Шаламова действительно начался распад психики. Вы должны понимать, что может последовать за превращением биполярных нейронов чувствительных ганглиев в мультиполярные¹⁸, а именно этот процесс у пациента и происходит. Вывод один: у больного налицо прогрессирующий синдром «черного человека» – термин коллеги Каминского. Процесс перерождения нервной ткани замедлился, но начинают сказываться качественные эффекты: тело больного, его ЦНС, по сути, действуют самостоятельно в соответствии с какой-то внутренней программой, закодированной информацией, полученной Шаламовым от маатанского компьютера. Вот-вот наступит кризис: больной балансирует на тонкой грани перехода человек – нечеловек, негуманоид, и, кем он станет, не вмещайся мы, одному богу известно. Необходима срочная, очень рискованная, причем не только для пациента, но и для хирурга, колоссальной сложности операция! Это все, что я могу предложить. Если не возражаете, согласна быть ассистентом хирурга по координации.

¹⁸ *Биполярные* – нейроны с двумя отростками, *мультиполярные* – со многими.

– Но сам больной во время «фаз хозяина» или «пароксизмов бодрствования» категорически возражает против операции, – вскинул голову Заремба.

– Вот именно – «пароксизмов», – буркнул Стобецкий. – Я склонен полагать, что это не просветление сознания, а именно моменты псевдосознания, когда за Шаламова говорит его нарождающееся второе «я», часть интеллекта, контролируемая информацией «черного человека».

– Согласен, – кивнул Каминский, включаясь в разговор. – Мы пришли к такому же выводу. Внутри больного формируется личность «черного человека», и к чему это приведет, когда формирование закончится, боюсь и представить. Случай беспрецедентный в моей практике, да и в мировой тоже. Я вообще не понимаю, почему Шаламов в той ситуации не воспользовался двигателем как передатчиком, чтобы дать SOS.

– По утверждениям экспертов, он им воспользовался, но, к сожалению, наши СПАСы его не услышали, – сказал Джума Хан. – Диапазоны их частот прослушивания весьма далеки от тех, что возбуждаются в компакт-камерах двигателя. Что касается действий Шаламова, то он был спасателем и в создавшейся ситуации иначе поступить не мог, он спасал пусть и не человека, но разумное существо! Однако я не стал бы обвинять и маатан в том, что они не люди. Конечно, они не люди! Совсем иные, со своей этикой и моралью, которые кажутся нам несовместимыми с логикой жизни и даже враждебными, они действуют так, как воспитаны своей средой, привычным укладом бытия. И все же позвольте мне не согласиться с последним утверждением об их враждебности, ибо почему в таком случае «черный человек», спасенный Шаламовым, придя в себя на родной планете, несмотря на все различия психо – и эмоциосфер, на многовековые традиции, запрещавшие видеть в гуманоидах разумных существ – а есть подозрения, что маатане знают о нас давно, гораздо раньше, чем мы узнали о них, – почему он вопреки всему потенциалу цивилизации добрался до станции связи и сообщил нам координаты Горловины, зная, что обрекает себя на остракизм?

– Однако! – крикнул Каминский. – Вы, уважаемый коллега, вторглись, по-моему, не в ту область. Речь идет о Шаламове, о его характере, почему он пошел на такой огромный риск, имея всего один шанс из миллиарда!

– Видимо, идея прямого подключения к чужой машине завладела им целиком и была интереснее остальных, – сказал Мальгин, с удивлением окинув взглядом лицо Хана. – Джума прав, Шаламов был не просто спасателем, но и разведчиком-исследователем, склонным к непрогнозируемому риску. Думаю, у него даже мысли не возникало – спасать или не спасать, вопрос был только – как спасти!

– Ну это-то как раз норма, – проговорил Каминский, – норма человечности, как я ее понимаю.

Помолчали. Мальгин перевел взгляд на Хана.

– Ваше мнение, Джума?

– У нас в запасе двое суток, многое еще может измениться.

Мальгин понял врача тотчас же: Джума Хан нашел способ выявить дополнительную информацию. Но открыто говорить об этом не хотел.

– Тогда продолжаем работу в соответствии с заданиями, – сказал Мальгин сухо. – Соберемся вечером. Извините.

В свой кабинет он вошел вместе с Джумой, остановив попытку Зарембы войти следом:

– Иван, поработай с Готардом, ему понадобится твоя светлая голова. Я до вечера буду занят.

Заремба пожал плечами, подозрительно посмотрел на бесстрастного Хана и нехотя удалился, проворчав напоследок:

– Что-то не нравиться вы мне, заговорщики...

– Ну? – сказал Мальгин, когда врач сел напротив.

– Я договорился с безопасниками: нас доставят в Горловину к столкнувшимся кораблям вместе с кибернетиками, специалистами по компьютерам. Времени на сборы в обрез.

– Я-то готов, но одного изучения шаламовского координатора будет недостаточно.

– Знаю. Вопрос контакта с маатанами решается. Пока мы будем в Горловине, безопасники и пограничники проработают модель контакта по нашему делу и сформируют свою ПР-группу. Я уже включен в нее и рекомендовал вас.

– Согласен, – без колебаний сказал Мальгин.

– Не сомневался. У вас есть полчаса на сборы, в управлении мы должны быть в два ноль-ноль. Кстати, вы будете настаивать на своем предложении?

– Каком именно?

– О прямом подключении к мозгу больного.

– Если не будет иного выхода.

– Я могу рискнуть вместо вас...

– Спасибо, Джума. Разговор преждевремен, но я буду иметь вас в виду, хотя едва ли соглашусь. Жаль, что я не знал вас раньше.

Джума Хан улыбнулся.

– И мне жаль, что я не был знаком с вами.

Мальгин встал, и в это время в кабинет вошла Карой Чоккой, остановилась на пороге, посмотрев на мужчин с ироническим прищуром.

– Не соблаговолят ли джентльмены взять с собой женщину, знакомую с ксенопсихологией не понаслышке?

«Заремба, – понял Мальгин, – она говорит его словами. Обиделся и натравил ее на нас. Ну, погоди, информатор!»

– О чем это вы?

– Насколько я поняла, готовится экспедиция на Маат, и я хотела бы войти в ее состав.

– Официальной информации о подготовке экспедиции у меня нет, – сдержанно сказал Мальгин. – Так что едва ли смогу быть вам полезен. К тому же вы, по-моему, нейрохимик, биолог, а не ксенопсихолог.

– Она Т-специалист, – сказал негромко Джума. – У нее два диплома. В качестве ксенопсихолога Карой не работала, но проходила практику на «Эдипе-2».

Мальгин с удивлением посмотрел на Хану. «Эдип-2» был станцией зоны контакта в системе Маата, и работали там в основном безопасники, прошедшие школу психотренинга в Институте внеземных культур. Попастъ практикантом на станцию мог далеко не каждый ксенопсихолог-профессионал.

– Мне просто повезло, – любезно пояснила Карой, видя мимику Мальгина. – Мой отец заболел и не смог явиться на «Эдип», а я убедила председателя комиссии, что смогу его заменить.

– И все-таки вас дезинформировали, – сказал Мальгин, недовольный в душе.

– Об экспедиции речь не шла, – не моргнув глазом добавил всепонимающий Джума, – мы говорили о способах давления на маатан. Поскольку виноваты в аварии они, без предупреждения используя диапазоны частот наших компакт-струнных машин, у нас появилась мысль использовать этот факт.

– То, что для нас является де-факто, для маатан – вовсе не де-юре, – покачала головой женщина. – Вы еще убедитесь в этом. Что ж, прошу джентльменов извинить за вторжение. До встречи вечером.

Карой вышла.

– Умная женщина, – сказал Джума Хан со странной интонацией, глядя ей вслед. – Едва ли мы ее убедили.

– Предпочитаю рисковать только собой, – буркнул Мальгин. – К тому же не я играю в этом деле первую скрипку. Откуда вы ее так хорошо знаете?

– К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Говорят, она мастер спорта по десяти-борью.

Мальгин подозрительно и с неудовольствием посмотрел на врача.

– Вы, кажется, не прочь взять ее с собой?

– Ни в коем случае, просто констатирую факт.

– Тогда в путь.

Глава 3

Одетые в коконы – компенсационные костюмы спасателей (по терминологии спасателей, пограничников и безопасников), Мальгин и Джума Хан присоединились к ожидавшей их группе молчаливых крепких парней, и руководитель десанта (риск-обоймы) Игнат Ромашин дал знак двигаться. Десантники гуськом потянулись к метро управления. Группа риска набиралась в основном из профессионалов отдела безопасности, но среди них были и представители технического сектора управления: кибернетики, специалисты в области интелматики, археонавты, ксеноматематики, инженеры и контакторы, специалисты Института внеземных культур в области неземных технологий. Всего в риск-обойму вошли тридцать человек, считая Хана и Мальгина.

– Вас искал Таланов, – тронул Мальгина за плечо Ромашин, рослый, с малоподвижным суровым лицом и седыми висками; они пошли рядом. – Я сказал, что риск участия в экспедиции не больше, чем при купании в шторм, и Богдан меня понял. Но это не преувеличение. Не лучше ли, пока не поздно, отказаться от похода? Вы один из лучших нейрохирургов Системы, и мне потребовалось убедить в необходимости вашего участия не только Таланова, но и СЭКОН¹⁹.

Мальгин искоса взглянул на собеседника. Ромашин был начальником отдела безопасности, и его собственное участие в десанте указывало на серьезность и опасность этого шага, последствия которого были непредсказуемы, несмотря на привлечение к операции всего интеллектуального и вычислительного потенциала управления. Руководитель десанта понял Мальгина еще до того, как тот собрался ответить, пожал его локоть и ушел вперед.

– Он прав, – сказал Джума Хан, догнав Клима. – Пожалуй, я поспешил с предложением вашей кандидатуры. Вы не должны рисковать собой там, где могут и должны рисковать другие.

– Нет, – ответил твердо Мальгин, снова вспомнив слова Купавы: «Ты становишься человеком-нет». – Я не слеую принципу: все, что ни делается, – делается к лучшему, но предпочитаю делать, а не рассуждать – кто должен делать.

Джума Хан едва заметно улыбнулся.

– А я вот всю жизнь оправдываю этот принцип, только с некоторым довеском: все, что ни делается, – делается к лучшему, но худшим из способов.

Мальгин с недоверием посмотрел на врача. Тот снова улыбнулся.

– Что, не похоже? К сожалению, это факт. Хотите свежий пример? Как вы думаете, откуда я знаю Чоккой?

– Я хотел спросить об этом еще в институте, но постеснялся.

– Дело в том, что она моя жена.

¹⁹ СЭКОН – сектор этического и социального контроля за опасными исследованиями (подкомиссия ВКС – Высшего координационного совета).

Мальгин от неожиданности даже замедлил шаг, но в это время они подошли к залу метро, и разговор прервался. Ромашин подождал, пока все зайдут в кабину, перекинулся парой слов с оператором и вошел сам.

Минута ожидания, короткий гудок, бесшумный толчок куда-то в область сердца, темнота – и яркий свет финиш-камеры. Открылась дверь, десантники вышли в коридор спейсера «Конунг», дежурившего возле Стража Горловины, планеты-куба, открытой Шаламовым с трагическими для себя последствиями.

Их ждали двое: командир спейсера Хольгер Сваллинг и начальник отряда безопасников Александр Шевчук, оба кряжистые, белобрысые, с бородками и светлыми усами, похожие друг на друга, как братья. Отличить их поначалу можно было только по родинке на щеке у Шевчука. На обоих были надеты эмканы пси-связи системы «спрут»²⁰, Мальгин видел такие второй раз в жизни.

– Обстановка? – спросил Ромашин.

– Пока нормально, – ответил Шевчук. – Оперативный прогноз дает вектор свободы на сутки с вероятностью ноль семьдесят семь.

– Готовность патрульной тревоги?

– Две с половиной минуты.

– Слишком много для данного случая, доведите готовность до минуты.

– Две с половиной – и так сверх норматива «срам»²¹, к тому же мы наконец запустили «Аргусы» у Маата, Орилоуха и в Горловине.

– Хорошо, тогда сразу включаемся в работу, если готова экипировка.

Шевчук повел всех за собой.

– О чем речь? – тихо спросил Мальгин Хана, направляясь за молчаливыми парнями.

– «Аргус» – это система так называемого «глубокого» наблюдения за объектом, в данном случае наблюдение установлено не только за всеми маатанскими зондами в Горловине, но и за стартовыми коридорами спейсеров-проникателей Маата, чтобы вовремя предупредить наших ребят здесь, в Горловине, а также вне ее, о старте чужих кораблей или о передаче маатанами массивного груза в Горловину. Вообще-то хорошо бы ознакомить вас со специфичной терминологией безопасников, но нет времени. Если что не поймете – спрашивайте, чтобы не ошибиться.

Мальгин кивнул. Он не страдал никакими комплексами и хотя не любил, но и не боялся выглядеть смешным в глазах окружающих, будучи некомпетентным в какой-то из областей знания.

В экспедиционном зале спейсера их ждали в зажимах пленочные скафандры, энергопояса, приборные комплекты, универсальные инструментари, антигравы, оружие и необычного вида эмканы. Ромашин оглянулся на Мальгина, ожидая увидеть на лице хирурга растерянность, но не увидел и кивнул удовлетворенно.

– Вы уже поняли, в чем особенность экспедиции? Так как маатане установили в Горловине маяк-табу «частного владения», а недавно запустили в нее и «сторожей», уничтожающих любых непрошенных, по их мнению, гостей, нам приходится работать в режиме «инкогнито».

Мальгин промолчал.

– В десант-обойме ваш номер второй, и по связи откликайтесь на вызов двойки.

Рискованты принялись натягивать на себя костюмы, застегивать пояса, закреплять на них оружие и приборные комплекты. Хан оделся первым, подошел к Мальгину, помог застегнуть эмкан.

²⁰ «Спрут» – система компьютерной связи, соединяющая всех включенных в ее контур.

²¹ «Срам» – пункт инструкции УАСС, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

– Не жмет? – раздался в голове его мысленный «шепот». – Включите блокиратор пси-контроля. С оружием знакомы? Это «универсал-101».

– Имел дело, хотя времени с тех пор прошло изрядно.

– Порядок, вспомните. Не забудьте включить имитатор, когда пойдем вниз.

– Какой имитатор?

Джума Хан отступил на шаг и вдруг превратился в черно-серебристую глыбу «черного человека».

– В шлемы встроены «динго»²², имитирующие облик маатан во всех диапазонах вплоть до рентгена, поэтому и понадобились скафандры, защищающие от их излучения.

– Остроумно, – хмыкнул Мальгин. – Вы, случайно, не инструктор? Может быть, врач «Скорой» – ваше хобби?

Хан рассмеялся.

– В управлении работают универсалы, дорогой Клим, я из их числа. Еще полгода стажировки, и меня, возможно, переведут к безопасникам, если выдержу кое-какие испытания. Кстати, я заметил вашу мину, когда сообщил новость о Карой. Помните, она выразила сомнение, что маатане признают де-юре наши притязания на одновременное открытие «серой дыры»? Так вот, чтобы не возвращаться к этому, приведу вам разницу между де-факто и де-юре на примере наших с Карой отношений: де-юре – мы с ней муж и жена, а де-факто... – Он развел руками.

– Черт возьми! – сказал Мальгин хладнокровно. – У нас, оказывается, сходные судьбы.

– Я знаю, – сказал Хан не менее хладнокровно.

«Откуда?» – хотел спросить Клим, но в этот момент Ромашин подал сигнал к выступлению.

Через четверть часа они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Илья Муромец», зависшего над островом Стража Горловины, где остались умирать вонзившиеся друг в друга «Кентавр» Шаламова и маатанский проникатель. А еще через несколько минут Мальгин, продавив перепонку выходного люка в брюхе спейсера, медленно опускался на остров, вглядываясь в открывшийся взору пейзаж.

С момента эвакуации Шаламова на острове ничего не изменилось. «Теннисная ракетка» «Кентавра» торчала из китообразной туши маатанского корабля – как дротик охотника, вернее, как гарпун китобоя. Над заросшей золотистым пухом бороздой, пропаханной гигантом при посадке, стояла туча красивых, долго не гаснущих искр, похожих на птиц или насекомых. Угрюмо чернели невдалеке «развалины» вудволлового леса. Манил законченностью форм и эстетическим совершенством «храм» в полутора десятках километров. Как и прежде, островом владела тишина, от которой закладывало уши.

Ромашин, превращенный аппаратурой «динго» в жуткую фигуру на странном аппарате, похожем на журавлиное гнездо, первым спикировал к спасательному шлюпу и скрылся в открытом кормовом люке. Остальные «черные люди» рассыпались кто куда, исчезли, у них были свои специфические задачи, и каждый точно знал, что ему надлежит сделать.

– У нас с вами нет конкретного задания, – раздался пси-шепот Хана. – Давайте посетим маатанский гроб, спутешествуем к «храму», а потом вернемся в рубку «Кентавра». Пока ребята не распотрошат Джорджа, делать там нечего. Если захочешь участвовать в оперативных переговорах – дай команду, все мы завязаны между собой «спрутом» и подключены к Умнику, он выполнит приказ.

Умниками называли компьютеры-инки высшего класса с колоссальным быстродействием и огромной собственной памятью, с ними можно было не только работать, как с маши-

²² «Динго» – излучатель динамического голографического изображения.

нами-вычислителями, но и вести беседу, как с человеком, компетентным практически во всех областях науки и культуры.

Мальгин посмотрел на зависшую рядом глыбу «черного человека» – Хана, и вдруг что-то заставило его посмотреть вверх. Над ними висела жуткая черно-коричневая громада, ничем не напоминающая земной спейсер! И лишь несколько секунд спустя Мальгин понял, что этот камуфляж-спейсер прятался внутри созданного с помощью «динго» «маатанского корабля», как и люди – внутри голографических изображений «черных людей».

Что-то гулко прошипело там, в днище «чужака», из черного люка выпала странная кособокая конструкция, набирая скорость, пошла в сторону «храма». Разведзонд, замаскированный под маатанский аппарат.

Мальгин проводил его взглядом и опустил след за Джумой на корпус мертвого маатанского проникателя.

В течение двух часов они общаривали чужой корабль, стараясь не мешать исследователям десанта, потом слетали к «храму», особенность восприятия которого действовала на людей как неожиданно вскрывшийся обман. За это время дважды Умник включал сигнал предупреждения из-за «падения вероятности положительного прогноза», то есть из-за появления в поле зрения наблюдателей маатанских «сторожей», но все заканчивалось благополучно. Мальгин с интересом знакомился с миром Стража Горловины и маатанской техникой, однако вскоре почувствовал неудовлетворенность собственным положением: рисконавты работали, а он прохлаждался.

Судя по переговорам десантников, кое-что стало уже известно, однако этого «кое-что» Мальгину было мало. Тогда он с молчаливого согласия Хана присоединился к тем, кто работал в рубке «Кентавра», терпеливо «препарируя» мертвого Джорджа.

– Каковы впечатления? – встретил его вопросом Ромашин; у него, как и у остальных работающих в рубке шлюпа, «динго» был выключен.

– Потрясающе! – честно признался Мальгин. – По роду деятельности мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, а об археонавтике я знал только понаслышке. Если бы не специфический подтекст нашего здесь появления – я мог бы увлечься профессиями археонавта и ксенолога всерьез. Не могу даже выделить наиболее интересные детали – все интересно! Хотя, конечно, особенно впечатляют маатанский корабль и «храм» на острове. Кстати, что это такое на самом деле?

– Моно-но аварэ²³, – пробормотал протиснувшийся в рубку Хан.

Ромашин заинтересованно взглянул на него, кивнул, соглашаясь.

– В чем-то вы правы. А вообще существует несколько гипотез, по одной из которых «храм» – останки разумного существа, «скелет», так сказать.

– Вы серьезно?! – пробормотал Мальгин, переглядываясь с не менее изумленным Джумой.

Ромашин усмехнулся.

– Правда, в связи с этой гипотезой возникает проблема обоснования строительства Стража Горловины. Зачем планета-куб понадобилась таким странным существам? Как они ее строили? Известно, что социальная целесообразность астроинженерной деятельности равна ее практической реализуемости. Планета-куб реализована, но зачем – неизвестно. И почему погибла раса кубиан – неизвестно, видимых причин нет. Конечно, мы не исследовали и миллионной доли Горловины и ее «стража», многое еще прояснится, но, кроме «сторожей ЧЧ», в Горловине полно другой техники, чужой, разумеется, это здорово мешает.

– Мне не совсем понятны... э-э... ваши...

²³ Эстетическая категория японской культуры, понятие, обозначающее скрытую прелесть предмета; дословно – печальное очарование.

– «Сторожа ЧЧ» – это автоматы маатан, что касается другой техники, то мы опознали только автоматы Орилоуха, принадлежность остальных пока не выяснена. Но сомнений нет – все они исследуют «серую дыру», не обращая внимания на маатанский запрет... что дает и нам основание действовать подобным же образом, не мешая никому. – Ромашин хотел добавить что-то еще, и в это мгновение Умник передал по пси-связи сигнал общей тревоги.

– В поле зрения «сторож ЧЧ», курс на Стража Горловины, время подхода десять-двенадцать минут.

– Всем «ВВУ-экстра»! – передал мысленный приказ Ромашин.

Хан подтолкнул Мальгина в спину:

– Аллюр три креста!

Они помчались к выходу, но как быстро ни бежали – пришли на спейсер последними. Все-таки безопасники группы риска были профессионалами и ориентировались в обстановке немного скорее.

– «ВВУ-экстра» – это сигнал сбора по форме «внезапно возникшая угроза», – сказал, переводя дыхание, Джума Хан, когда они ворвались в зал десанта и нырнули в кресло согласно штатному расписанию. – У меня предчувствие, что останемся мы при пиковом интересе, так ничего толком и не узнав.

Перед ними развернулся объем виома с пейзажем острова, над которым висел спейсер. Остров немного отодвинулся и сместился вправо – спейсер поднялся чуть выше и отработал в сторону, теперь стали видны проткнувшие друг друга земной шлюп и маатанский корабль.

– Полный запас на отражение и поглощение! – раздался в наушниках голос командира спейсера. – Десанту приготовиться к капсулированию и маневру ухода.

– Готовы, – сказал Ромашин, посмотрел на Мальгина, совершенно спокойный и обыденно неторопливый; он сидел рядом, справа. – Ну как, взяли что-нибудь для себя? Хотя бы в эмоциональном плане?

Мальгин собрался с мыслями, возбуждение его от бега и непривычной ситуации улеглось. Он понял, что имел в виду Ромашин.

– В общем, для полноты картины мне действительно нужно было увидеть район действия, место встреч Шаламова с «черным человеком». Уверен, это поможет мне в будущем, когда мы вплотную подойдем к... операции. Но скажите, удалось ли что-нибудь выудить из памяти координатора шлюпа?

Ромашин оглянулся на кого-то из десантников:

– Об этом вам расскажет Фредерик...

– Внимание! – перебил его командир спейсера. – «Сторож» над островом. Всем готовность «ноль»!

Вариатор вырезал в верхней части виома окружность, внутри которой появилось изображение маатанского аппарата: нечто вроде корявого ствола какого-то исполинского дерева, очищенного от ветвей, но с разлохмаченной корой и множеством наростов, напоминавших гриб-трутовик. При входе в атмосферу «ствол» вдруг превратился в плоский «блин» с вытянувшимся вперед «клювом» и стал похож на хищную морскую манту. Размеры «манты» от «клюва» до «хвоста» достигали трехсот десяти метров, а толщина тела составляла около двадцати восьми метров. Она за несколько секунд пронзила оставшиеся двадцать километров до поверхности Стража Горловины, одевшись при этом в струящийся ореол – слой плазмы, и зависла точно над «ракеткой» шаламовского шлюпа, не обращая внимания на висящего неподалеку «собрата».

Дальнейшее произошло в течение полуминуты. С «клюва» маатанского «сторожа» сорвалась неяркая в свете «дня» зеленая молния и вонзилась в тело шлюпа. На месте сцепившихся кораблей вздулся красивый сверкающий «мыльный пузырь», вырос до километра в диаметре и лопнул огненными лоскутами. Чудовищный вихрь взрыва ударил во все стороны, сметая на

своем пути скалы и ближайшие «развалины» вудволлового леса. Серо-зеленая пелена раздробленного в щебень камня, почвы и пыли скрыла под собой чуть ли не весь остров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.